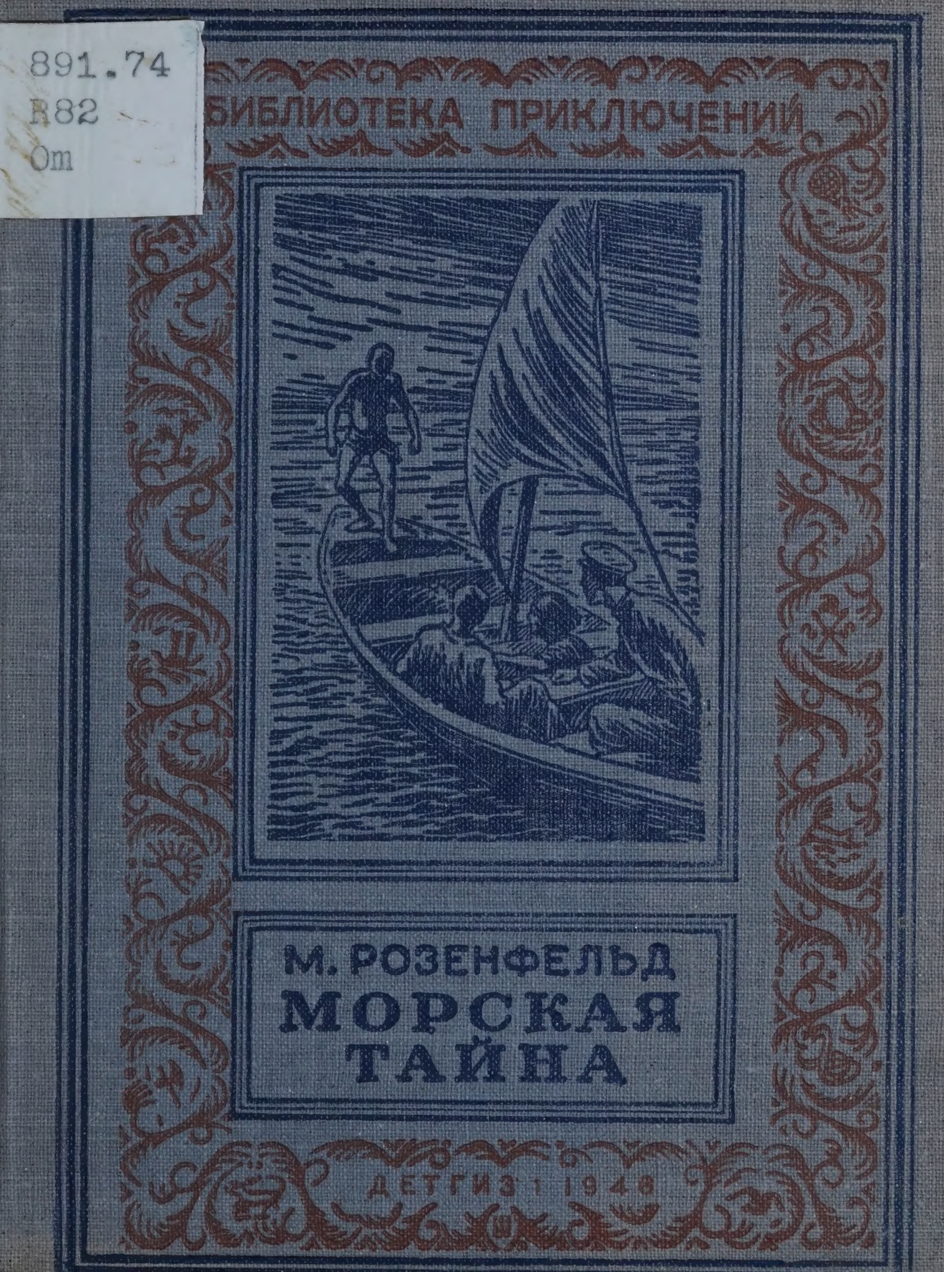

891.74
R82
Om
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
М. РОЗЕНФЕЛЬД
МОРСКАЯ
ТАЙНА
ДЕТГИЗ · 1948

PRINTED IN SOVIET UNION

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОСКВА 1946 ЛЕНИНГРАД

М. РОЗЕНФЕЛЬД

МОРСКАЯ ТАЙНА

Рисунки
Л. СМЕХОВА

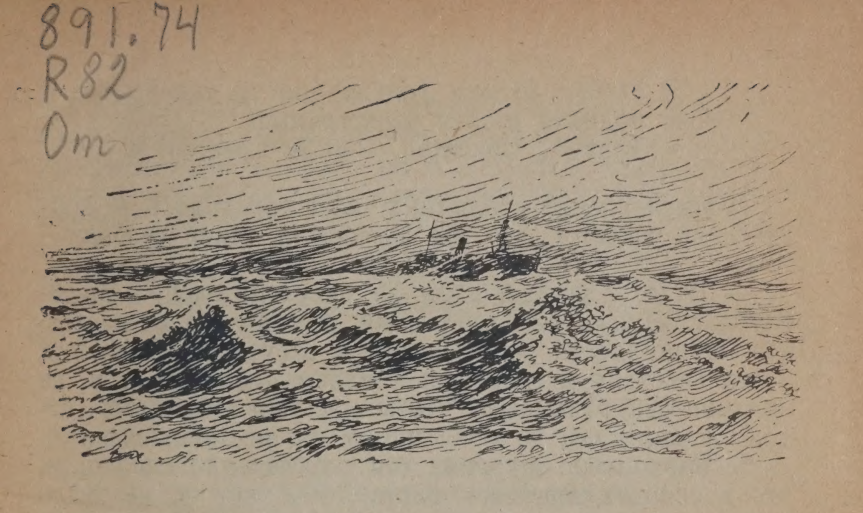
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Михаил Константинович Розенфельд родился в 1906 году в Полтаве, а жил и учился в Ленинграде. Журналистом он начал работать в газете «Комсомольская правда» с выхода в свет ее первого номера в 1924 году. С этой газетой он был связан всю свою жизнь.

Голос Розенфельда часто слышали москвичи в дни народных праздников — это он вел радиопередачи с Красной площади.

Как советский корреспондент Розенфельд побывал в кругосветном путешествии, был во многих странах Европы, а свою страну изъездил из края в край. Он блуждал по пескам Кара-Кумов, участвовал в спасении челюскинцев. И обо всем этом Михаил Розенфельд живо и горячо рассказывал в своих книгах.

С первого дня Великой Отечественной войны Розенфельд ушел на фронт и в 1942 году пал смертью храбрых.

ПРОЛОГ

Поздней осенью 19... года в московских и многих других газетах Советского Союза появилось несколько необычное сообщение:

Загадочный сигнал бедствия

Вчера, в 9 час. 45 мин. по московскому времени, радиостанцией Барнаула была принята на волне 500—600 метров радиограмма из трех слов, сообщающая о бедствии парохода, очевидно плавающего на севере: «...SOS! SOS!..[1] Тонем!..»

[1] SOS— сигнал бедствия моряков, первые буквы английской фразы: «Save our souls» — «Спасите наши души».

В 17 час. 28 мин. того же дня на той же волне была принята вторая радиограмма:

«...Тонем!.. Спасите!.. Звезда Советов!..»

Корреспонденты столичных газет обратились в Арктический комитет, где им высказали такие соображения:

— Пока, — заявил один из руководителей, — кроме опубликованных уже сообщений, нам ничего не известно. Лаконичность радиограммы и отсутствие указаний места бедствия невольно заставляют сомневаться в ее подлинности. Я не верю, чтобы, посылая аварийные сигналы с парохода, не сообщили о его местонахождении.

В Наркомводе журналистам определенно сообщили, что в списках торгового флота СССР нет и не было судна под названием «Звезда Советов». В Беринговом и Охотском морях и на Тихом океане свирепствует тайфун, но все суда, плавающие в этих морях, благополучно вернулись в свои порты.

— Слух о фальсификации сигнала,—сказал в беседе с журналистами руководящий работник Наркомата связи, — возник, вероятно, после недавней ошибки одного из любителей-коротковолновиков. Он принял тревожный сигнал, поданный якобы из Семипалатинска. В радиограмме сообщалось, что город залит водой. Но оказалось, радист перепутал, и при проверке выяснилось: в тот же день и час сигналы подавал маленький городок близ Иркутска, подвергшийся внезапному наводнению. В данном случае я склонен думать, что принятый Барнаулом сигнал есть действительно сигнал бедствия. Волна передатчика, подававшего сигнал, близка к волнам, обычно употребляемым при подаче «SOS». Совершенно очевидно, что совершить передачу ложного сигнала на волне шестьсот метров для радиолюбителей технически невозможно. Нами дано распоряжение стан-

ции ВЦСПС объявить, что сигналы приняты, и потребовать от судна сведений о его местонахождении. В случае повторения сигналов мы с помощью пеленгования сделаем все возможное, чтобы выяснить место аварии гибнущего корабля. Есть также основания предполагать, — заключил свое сообщение работник Наркомсвязи, — что сигналы даны с какого-либо гидросамолета.

После этого сообщения газеты напечатали ответ Всесоюзного объединения гражданского воздушного флота:

> «В Главном управлении, куда обратились представители газет, заявили, что в настоящее время на севере нет советских самолетов, воздушные операции закончены, а самолета под названием «Звезда Советов» не существует вообще».

И тотчас возникло новое предположение: не случилось ли несчастье на одной из заполярных станций? Возможно, что группа зимовщиков вышла в море на промысловом судне и, застигнутая ненастьем, терпит бедствие среди льдов.

В ответ на запрос все полярные станции сообщили о том, что у них все благополучно. А зимовщики острова Врангеля, очевидно не понимая, по какому поводу тревожатся в столице, донесли:

> «Все в полном порядке. Отлично подготовились к полярной ночи. Кок[1] выздоровел».

На третий день хабаровский коротковолновик Кутасов и трое радиолюбителей на Дальнем Востоке приняли последний сигнал:

> «Рация... авария... Звезда... двадцать два... теряем пловучесть... уносит... спасите!..»

---

[1] Кок — повар на корабле.

Между тем во Владивосток вернулись почти все суда. Остальные, застигнутые тайфуном, несмотря на угрожающее положение, прислали сравнительно спокойные донесения.

В тот же день в Москве в Радиоуправление явилась гражданка Власова и заявила, что три месяца назад один из ее знакомых уехал с группой туристов в рыболовную экспедицию. Туристов было двадцать два человека. Упомянутая в напечатанной радиограмме цифра «22» натолкнула ее на мысль: не исходит ли эта радиограмма от ее знакомых? Вечером Радиоуправление получило «молнию» от туристов:

> «Слышали запрос станции ВЦСПС. Все живы, здоровы, вынуждены зимовать».

В северных портах наготове стояли спасательные пароходы. Получив приказ, несмотря на тайфун, суда ушли в море искать терпящих бедствие.

Дней десять спустя выяснились последствия урагана. В море погибли три рыбачьих бота, маленький пароход ледокольного типа «Звездочет» и буксир «Бойкий», возвращавшийся с Сахалина. Вышедшие на спасение неизвестного, таинственного судна пароходы спасли бо́льшую часть рыбаков, подобрали шлюпки моряков с затонувшего буксира и вернулись обратно.

Постепенно история с сигналами бедствия забылась, и через два месяца никто не вспомнил ее в связи с телеграммой американского трансокеанского великана «Президент».

> «В южной части Тихого океана, — как сообщалось в телеграмме, — совершая рейс Сан-Франциско — Шанхай, вдали от населенных островов, к югу от Гавайи, пароход подобрал в океане находящегося в бессознательном состоянии человека, державшегося на воде на спасательном поясе».

Судьбой спасенного человека заинтересовались американские газеты. К несчастью, он оказался в состоянии полного изнеможения и лишился речи.

По поручению капитана «Президента» у постели больного бессменно дежурил штурман Фред Ирвинг. В своей телеграмме, посланной в Сан-Франциско по просьбе одной из газет, Ирвинг сообщил:

> «Спасенный в результате пережитого потерял дар речи. Даже в минуты приступов горячки он только стонет и не произносит ни слова. Остается загадкой, с какого погибшего корабля этот человек и кто он».

В Гонолулу капитан «Президента» сдал неизвестного в местный госпиталь. Не прошло и месяца, как несчастный выздоровел, но, окрепнув и почти поправившись, он все еще не говорил. Наблюдавшие за ним врачи убедились, что он потерял и память. Возвращенный к жизни молодой человек безразлично смотрел на докторов и, казалось, не испытывал никакого интереса к окружающему.

Заинтересованные газетными заметками, в госпиталь под различными предлогами неоднократно наведывались любопытные. Директор категорически запретил бесцельные визиты, но несколько раз он должен был уступить особой настойчивости некоего японца, утверждавшего, что он надеется опознать в больном своего друга с погибшего японского парохода. Убедившись в ошибке, японец тем не менее пришел еще два раза и, к удивлению врачей, упорно добивался разрешения остаться с больным наедине. Несмотря на уверения докторов, что больной лишился памяти и речи, настойчивый господин задавал ему бесчисленное множество вопросов, но никаких ответов не получал.

Однажды, гуляя в сопровождении врача по городско-

му парку. неизвестный неожиданно остановился перед пальмой. Его внимание привлекла маленькая серая птица. К изумлению врача, лицо больного преобразилось, и он дважды взволнованно произнес непонятное слово. Американец-врач хорошо запомнил это слово и передал директору госпиталя. Больной сказал: «Воробей». Выяснилось, что слово это русское; оно дало возможность администрации установить национальность спасенного.

Вскоре в Гонолулу остановился советский пароход «Таджик», шедший из Сан-Франциско во Владивосток. Директор госпиталя вызвал капитана с «Таджика». К всеобщей радости, немой, услышав русскую речь, встрепенулся и, кинувшись к капитану на грудь, внезапно затрясся от рыданий и проронил несколько слов.

— Я буду плыть... — рыдая, чуть слышно произнес он, — буду плыть... Меня увидят!..

Капитан «Таджика» принял его на свой корабль. Но в продолжение длительного рейса человек ничего не говорил, вероятно не понимая вопросов или оставляя их без всякого внимания. Во Владивостоке необыкновенного пассажира вручили областному отделу здравоохранения. По решению консилиума, он был отправлен в Ленинградский психоневрологический институт.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Утро за Курильскими островами

Старший штурман Александр Головин проснулся от непонятного шума. В каюте было темно. Над головой раздавался топот ног: кто-то бежал по левому борту. С недоумением штурман снял качавшиеся на крючке карманные часы и еще более удивился. Был шестой час утра. Что могло разбудить команду так рано? Час назад, когда он сменился с вахты, стояла серая, промозглая темень, белесые струи дождя сбегали с надстроек на палубу и под ногами хлюпала холодная мутная вода. Что же подняло всех за два часа до побудки? В дверь тихо и осторожно постучали.

— Войдите! — угрюмо крикнул штурман. — Кто там?

— Извините, — послышался робкий и несколько

испуганный голос уборщицы Нины Самариной. — Разрешите убрать.

— Разве вам не известно, — сурово и вместе с тем удивленно произнес штурман, — что я недавно сменился с вахты? Что за возня на палубе?

Штурман имел все основания быть недовольным. Он спал немногим больше часу. Еще так недавно, продрогший на мелком дожде, он сменился с вахты и сбросил тяжелую сырую шубу. Он по праву мог еще отдыхать часа три.

— Прошу прощения, — смущенно оправдывалась Нина, — но сегодня все поднялись чуть свет. Я думала, вы проснулись. Что же я натворила! Спите, пожалуйста, спите!..

Но Головин с досадой соскочил с койки, поморщившись отшвырнул ногой мокрые ботинки, налил в стакан воды и отдернул плотную зеленую занавеску иллюминатора. Невольно зажмурив глаза, он отодвинул стакан и, пораженный, уставился перед собой. В иллюминатор глядело ослепительно синее небо. В переливах лиловых волн искрились золотые отблески восходящего солнца. Яркий луч сверкнул на лакированном столике, и штурман почувствовал на своей руке прикосновение тепла. Комкая занавеску и не веря своим глазам, он не отрываясь глядел на ясный горизонт.

Стояли последние дни октября. Ночью скрылись Курильские острова, и пароход, возвращаясь с Камчатки во Владивосток, шел полным ходом, чтобы как можно скорей миновать опасный район неистовых ураганных ветров. Ночью шли в тумане и часто замедляли ход. Потом туман рассеялся, и нудный осенний дождь застучал о крылья мостика.

Кто из моряков не знает, что таится за угрюмыми скалами Курильской гряды! Безобидный игривый ветер здесь неожиданно превращается в яростный ура-

ган. В спокойном тумане появляются легкие белые пушинки, и вдруг снежный буран взметается над волнами, хлещут в лицо хлопья слепящего снега, и штурман уже ничего не видит впереди. Море исчезает, и с ужасающим воем кружит неистовая метель.

Корабли осенью, возвращаясь с Чукотки и Камчатки, всегда стараются скорей пройти Курилы. И вдруг — солнце! Жаркое летнее солнце и штиль! У Головина были все основания недоумевать.

Он мигом оделся и хотел было выбежать наверх, но, спохватившись, снова закрыл дверь на задвижку. Порядок, прежде всего порядок! Он медленно почистил костюм, вымыл руки и взялся за бритье. Еще в морском техникуме он стал приучать себя к точному распорядку и последние три года, служа на судах дальнего плавания, появлялся в кают-компании всегда тщательно выбритый, в отлично выутюженных брюках и блестящих ботинках.

Старший помощник капитана Александр Павлович Головин, несмотря на свои двадцать четыре года, уже три года ходил в дальнее плавание.

Это был человек среднего роста, худощавый несколько больше, чем следовало, но с достаточно широкими плечами и здоровыми мускулами. Присматриваясь к старым морякам, подражая им и перенимая их невозмутимую уверенность, он вскоре действительно стал спокойным и уверенным в себе. Его спокойствие передавалось другим. Когда, наклонив голову, Головин выслушивал подчиненного и отвечал ему двумя-тремя фразами, тот всегда уходил удовлетворенный, испытывая и в себе какую-то особую силу и уверенность.

Покончив с туалетом, Головин поднялся на палубу. Под горячим солнцем хохочущие матросы бегали по палубе, гоняясь друг за другом.

На баке происходил матч французской борьбы, и

в качестве судьи вокруг борцов, в волнении размахивая черпаком, в сдвинутом колпаке взволнованно суетился кок. На корме вокруг боцмана Бакуты, сидевшего на бухте каната, собралось человек десять. Неподражаемое умение боцмана рассказывать поразительные небылицы было известно всей команде, и штурман, чтобы не мешать, незаметно отошел в тень.

Тихое море открылось глазам Головина. Пароход бесшумно, словно не касаясь воды, скользил под лучами солнца. Отблески дрожали на белой радиорубке, под шлюпками качались светлые синие тени. С каждой минутой становилось жарче.

Боцман Бакута, сидевший на связке каната, скинул бушлат и остался в одной полосатой тельняшке. Матросы, окружившие громадину-боцмана, по сравнению с ним казались щуплыми подростками. Сплетая что-то из шпагата и время от времени закрепляя зубами узлы, Бакута горячо о чем-то повествовал.

Головин подошел ближе и, никем не замеченный, прислонившись к стене радиорубки, прислушался.

У ног боцмана сидел, обхватив руками колени, самый молодой из команды — семнадцатилетний матрос Андрей Мурашев. Он с особенно жадным интересом слушал боцмана. С волнением, которого, к своему удовольствию, не мог не заметить Бакута, Андрей ерзал на месте и с искренним восторгом внимал каждому его слову. Остальные матросы, изображая напряженное внимание, лукаво перемигивались.

Неожиданное солнце, на заре пробудившее пароход, очевидно, разогрело в боцмане воспоминания, и сейчас Бакута рассказывал одну из бесчисленных своих историй о том, как он, бывало, внушал страх жестоким капитанам и учил их хорошему тону.

— В Лондоне, — услыхал Головин, — я бывал несчетное количество раз. Не стану врать, в который это

было раз. Прибыли мы в Лондон, отдали якоря. и, получив увольнение, я первый сошел на берег. Сел я в омнибус и покатил в город. Автомобили тогда были редкостью даже у англичан, а из порта ходили конные омнибусы. За пять пенсов можно было отлично устроиться на крыше — катись и оглядывай всех с птичьего полета! Сошел я на главной улице, выбрал достойное заведение, глотнул пару черного пива, потребовал еще кварту и призадумался. Что делать, чем заняться? Было только два часа дня, а надо сказать, что Лондон — скучнейший город. В воскресенье, когда все свободны и никто не работает, все театры и рестораны закрыты, а на улицах и в садах, как в церкви, поют псалмы. Никому не советую попадать в Лондон в воскресенье или в субботу вечером. Однажды, не зная английских обычаев, я остановился у одного театра. Вижу — громадные рекламы во всю стену. Купил дорогой билет в партер, сижу и жду, когда поднимется занавес. Но в театре не торопились. На сцену вышел аккуратный старичок во фраке и принялся что-то говорить. Я набрался терпения и слушаю. Жду: вот-вот он кончит, начнется представление, старичок снимет фрак и начнет показывать фокусы. Но прошло полчаса, час — старик все говорит и говорит, и машет рукой, и завывает, а один раз даже всплакнул. Оглядываюсь назад, и что же: женщины вынули платки и тоже плачут, плачут навзрыд!

«Мисс, — наклоняюсь я к соседке и, показывая ей руками, спрашиваю: — когда начнется представление?»

Она высморкалась, посмотрела на меня и сунула мне в руки книжку с крестом на переплете. Ничего не понимаю. Рычу от злости, но жду. Два часа говорил старичок, потом все разом поднялись, пропели псалом и разошлись. С тех пор я опасаюсь ходить в театры, даже если на афишах нарисованы блондинки. Са-

мое верное дело — цирк. Но цирк открывается вечером. Как же убить время? Сидеть в портерной, бункероваться? [1]

По правде говоря, я никогда не зашибал, как иные наши моряки, поэтому у меня всегда водилась копейка, и плавал я только на знаменитых судах. Был я всегда человек с разбором и следил за своей репутацией. Итак, покончив с пивом, я вышел на улицу, намереваясь взять курс на цирк, и вдруг, не знаю с чего, в голову мне пришла мысль повеселиться так, чтобы на всю жизнь осталось в памяти, да и другие чтоб знали. Прежде всего вам нужно знать, что капитан «Варяга», на котором я плавал тогда матросом первого класса, был свирепейший дьявол. Конечно, такого матроса, как Бакута, характер капитана не касался, но мне пришла в голову затея проучить грубияна и утереть ему нос. Задумано — сделано. Оглядываюсь по сторонам и полным ходом несусь в лучший магазин. Швейцар, хозяин и продавщицы — все сразу поняли, кто к ним пришел. Вира [2] бумажник на прилавок: «Плииз [3], что у вас есть самого замечательного? Свистать всех наверх!» Скомандовал и сел в кресло...

Бакута показал, как он величественно откинулся в кресле, и продолжал:

— В одну секунду продавщицы — как полагается, все невиданные красавицы — снимают с меня сапоги, натягивают своими ручками разноцветные шелковые носочки, меряют ботиночки. А я сижу и только поеживаюсь. Через полчаса, когда я вышел из магазина, никто бы не узнал во мне Ивана Бакуты! Был на мне лучший фрак, какой только был в Лондоне, крахмальная

---

[1] Бункероваться (морское) — нагружаться углем.
[2] Вира (морское) — наверх.
[3] Плииз (англ.) — пожалуйста.

манишка, на голове цилиндр, на руках белые лайковые перчатки, на ногах лакированные корочки. Приобрел я еще для смеху трость с серебряной собачьей мордой и свистнул фаэтон. На полных парах, дымя сигарой, мчусь в порт. Кучер у меня в зеленой ливрее, в цилиндре, с высоченным бичом, лошади первоклассные — королевский выезд! В чем другом, а в лошадях я понимаю толк... И вот таким манером я подкатываю к нашему судну, для важности медленно сползаю с подушек, нарочно медленно вынимаю бумажник, даю кучеру на чай, так, чтобы помнил и знал, что такое русский моряк. Расплачиваюсь, а сам уже вижу, как вахтенный бежит в капитанскую каюту. Нахлобучиваю на самые глаза цилиндр и слышу, как выскочил капитан и кричит во всю глотку: «Боцман, парадный трап!» Загремел парадный трап. Я взмахиваю тросточкой и поднимаюсь на судно. Капитан бежит навстречу, отдает честь, подхватывает меня под локотки и ведет наверх.

«Ваше сиятельство, — суетится он и не знает, как величать меня, — как я счастлив!.. С кем имею честь?..»

Не говоря ни слова, поворачиваюсь и шагаю в кубрик. Капитан забегает вперед, удерживает, показывает на салон:

«Не туда изволите. Разрешите представиться... Простите, не ждали, извините, милостивый государь!»

Он мне руку, а я — спиной и все шагаю в кубрик.

«Куда вы? Пожалуйте в кают-компанию. Изволите ошибаться, ваше сиятельство!..»

Я — нуль внимания, стребаю в кубрик и — хлоп на свою койку.

Капитан обмер. Не теряя времени, я, будто мне жарко от всей этой одежды, швыряю цилиндр и фрак.

«Бакута!» ревет капитан и... лишается чувств...

— Слыхал? — в восторге захохотал боцман, склоняясь над потрясенным Мурашевым. — Вот что откалывал Бакута в отчаянные свои года!

— Ну и травит же человек! — изумленно крикнул кто-то в толпе слушателей. — Как бог на скрипке!

— А как же капитан тебя не узнал? — спросил другой.

— Клянусь жизнью, — воскликнул кочегар Вишняков, — повесьте меня на клотике[1], если я не слышал этой истории по крайней мере шестьсот раз! Во всех портах все старые моряки рассказывают ее. Слово в слово...

Бакута возмущенно поднял голову — он уже готов был обрушиться на дерзкого кочегара, но вдруг, одумавшись, сбросил с колен шпагат и восторженно подхватил:

— Иначе и быть не может! Разумеется, на всех морях рассказывают эту историю. Теперь сами видите, — обведя матросов гордым взглядом, воскликнул он, — на всех морях знают Ивана Бакуту!

Теперь уже боцмана никто не мог остановить, и он тотчас начал бы новый рассказ, если бы внезапно кто-то не прошептал:

— Леонард Карлович идет!

Моментально наступила тишина.

По левому борту, направляясь к корме, заложив руки за спину и немного сгорбившись, приближался капитан парохода. Бакута замолчал, переменился в лице и с удивительным для его веса проворством вскочил с каната. Вытянувшись во весь рост и задрав голову, он, точно рапортуя, прокричал:

---

[1] Клотик — сплюснутая круглая насадка на верхушке мачты.

— Доброе утро, Леонард Карлович! Честь имею поздравить с погодой!

Потом, грозно насупив брови, повернулся к матросам и взревел:

— Что за шабаш?! Почему не на местах?! Что за порядки!

Капитан остановился перед Бакутой и пристально взглянул ему в лицо.

— Тише, — спокойным жестом остановил он усердного боцмана, — ведь еще нет восьми часов.

Странное зрелище представляли собой застывший, как на параде, великан-боцман и капитан. Со стороны нельзя было без улыбки смотреть на этих людей, когда они стояли рядом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Последний рейс капитана Кланга

Сутулый, поразительно маленький человечек остановился перед великаном Бакутой. Склонив голову набок, он приложил руку к козырьку и поздоровался с командой. Потом разгладил ладонью пышные седые бакенбарды.

Издали капитана Кланга можно было принять за ребенка, наряженного в морскую форму. Но морщинистое лицо с выпуклыми серыми глазами и седина свидетельствовали о его преклонном возрасте. Никто не знал, сколько ему лет, хотя бывалые моряки с дальних времен помнили и знали его как испытанного, старого капитана северных морей.

Кланг вынул из кармана золотистую жестяную коробку и протянул ее боцману.

Капитан не курил и всегда носил с собой монпансье.

— Премного благодарен, — склонился над коробкой

польщенный Бакута и осторожно, точно булавку, выбрал круглый леденец.

Попрежнему не говоря ни слова, Кланг повернулся на каблуках и направился в сторону кают-компании.

Но следует рассказать, что за судно возвращалось с Камчатки и кто составлял его команду.

Небольшой пароход ледокольного типа «Звездочет», водоизмещением в 500 тонн, в начале июня покинув Владивосток, плавал у берегов Камчатки, развозя грузы по становищам и зимовьям. Дряхлый «Звездочет» совершал свой последний рейс. По возвращении во Владивосток ему предстояло остаться на месте для портовой службы или, скорее всего, пойти на слом. Старая команда, прослышав о том, что после рейса капитан уходит в отставку, заранее покинула «Звездочет», и в рейс с готовностью пошла молодежь, радуясь возможности побывать на Камчатке.

Из стариков на «Звездочете» остался один боцман Бакута, последние пять лет плававший с капитаном Клангом.

Команда, собранная из новичков, старалась изо всех своих юношеских сил, и в результате «Звездочет» совершил рекордный по быстроте переход. В Петропавловске-на-Камчатке команде парохода устроили чествование. На торжественном заседании кто-то предложил переименовать судно. Моряки с радостью подхватили эту мысль и тут же быстро придумали новое, гордое имя: «Звезда Советов».

На следующий день матросы хотели замазать на носу парохода старое, стершееся название и написать новое, но Кланг запретил, ссылаясь на закон. Он ничего не имел против переименования, но на него необходимо было получить разрешение Наркомвода. Представитель Совторгфлота охотно пообещал исхлопотать согласие

соответствующих организаций, и с этого дня команда стала называть свой пароход не иначе, как «Звезда Советов».

Теперь, познакомив читателя с кораблем и его командой, мы можем продолжать наш рассказ.

В это утро в обычный час на пароходе начались судовые работы.

Бакута привинтил шланг. Матросы, увертываясь от пенистой струи, быстро и усердно принялись надраивать палубу.

И без того чистая палуба, вымытая ночным дождем, приобрела парадный, розовый цвет. Андрею Мурашеву боцман велел протереть олифой мостик — это была легкая работа, к тому же рядом красили стойки, а когда матросы красят, часы проносятся быстро и весело в разговорах и шутках. Матрос Дружко, водя кистью, то и дело отступал с ведерком белил назад и, склонив голову на плечо, любовался своим мастерством.

На палубу в деревянных сандалиях выскочил освежиться кочегар Грунин. Вытирая кончиками шейного платка разгоряченное, вымазанное угольной пылью лицо, он с завистью посмотрел на красившего стойки Дружко и, глотнув воздуху, крикнул:

— Послушайте, маэстро, вы где кончали академию?

Дружко с еще бо́льшим наслаждением нанес на стойку мазок и, не удостаивая кочегара даже поворотом головы, ответил с непринужденной любезностью:

— Конечно, в Италии.

И, грациозно держа кисть кончиками пальцев, он, кокетливо вытянув губы, добавил:

— Знаток, несомненно, определит это сразу, по стилю. Но нельзя быть требовательным к кочегару...

К удовольствию матросов, растерявшийся кочегар, потоптавшись на месте, счел за благо скрыться.

В кают-компании в это время Леонард Карлович

Кланг в белоснежном летнем кителе ходил вокруг стола, постукивая высокими голландскими башмаками. С давних лет в спокойные, свободные часы Леонард Карлович любил надевать эту легкую деревянную обувь, заменявшую ему домашние туфли и, как многие подозревали, приятную ему тем, что она делала его заметно выше ростом.

— Позвольте и мне, в свою очередь, — сказал Головин капитану, — поздравить вас с отличной погодой.

— Награда за последний рейс, — благодушно улыбнулся Кланг. — Надеюсь, я это заслужил за сорок лет... Ведь это мое последнее плавание.

— О нет, как можно! — из учтивости запротестовал штурман. — Еще во Владивостоке я слыхал, что вас переводят на Юг...

— Прогуливаться с курортниками от Сочи до Гагр! — с усмешкой перебил Кланг. — Нет, дорогой штурман, мне просто хотят подарить пенсионную книжку. Но, признаться, я не представляю себе, как Леонард Кланг станет стричь купоны...

Неприятный для обоих разговор весьма кстати прервала уборщица, явившаяся накрывать на стол.

В полдень Головин сменил на вахте второго штурмана Кремнева. В два часа дня подул свежий ветер, еще через час небо заволокло тучами, и начался дождь. В наступивших сумерках по морю забегали зловещие барашки, а к ночи пароход, замедлив ход, лег в дрейф[1]. На опустевшей палубе чуть светился тусклый фонарь. Пенистые волны ударялись о борта.

В кубрике в этот вечер долго не ложились спать, вспоминая минувший солнечный день.

Помрачневший Бакута, неодобрительно прислуши-

---

[1] Дрейф (морское) — остановка в море без отдачи якоря.

ваясь к доносившемуся из-за переборки смеху матросов, поучал Андрея Мурашева:

— Много смеялись сегодня ребята. обраловались неизвестно чему. А теперь море даст себя знать .. Как бы нам не отправиться к акулам в гости. Ступай. пока есть время, ложись спать. Чую, сегодня не обойтись без аврала...

С тяжелым предчувствием ушел Андрей из тесной каюты боцмана. Но, вернувшись в кубрик, он тотчас забыл мрачные предсказания и повеселел. Мгновенно он забыл про шторм и качку — так тепло и уютно было в шумном матросском кубрике. Дружко рассказывал, как в одном английском порту продают часы на кило, и так как никто не верил ему, он клялся, что лично купил 500 граммов часов и раздарил знакомым девицам в Одессе. За столом кочегар Золотов сосредоточенно записывал в толстую тетрадь песню, слова которой диктовал ему матрос Григоренко, лежавший на койке и точно читавший их по складам.

— «...Ты голову склонила ко мне на грудь... — скандировал Григоренко, — и тихо прошептала...»

— Повтори, — буркнул кочегар.

— Послушайте, сэр, — вскакивая с койки, неожиданно заявил Григоренко, — вы что-то мне обещали, если я дам вам списать.

— Сначала кончим, — нетерпеливо огрызнулся кочегар, — потом получишь. Ну, как дальше? Что она тихо прошептала?

— Она умолкла навеки, — откидываясь на койку, отрезал матрос. — Пока не выложите на стол, она будет молчать, как рыба.

— Отдам, — взмолился кочегар. — Зачем время терять? Как дальше?

Но Григоренко был непоколебим. Золотов, тяжело вздохнув, отправился в свой кубрик и принес вырезан-

ный из моржовой кости мундштук. Григоренко спрятал мундштук в карман и снова улегся на койке.

— Пиши, — сказал он важно: — «И тихо прошептала: «Печаль забудь...»

Григоренко не успел закончить фразу. Судно резко накренилось, чернильница покатилась по столу, заливая тетрадь кочегара. Все мигом вскочили на ноги и прислушались. Пронзительный, тревожный, заливчатый свисток раздался с мостика: «Все наверх!»

Дальнейшие события развернулись с такой стремительной быстротой, что лучше всего вместо описания яростного шторма и аврала мы коротко, по вахтенному журналу, передадим, что случилось на пароходе после того, как прозвучал свисток боцмана.

К 22 часам ветер достиг двенадцати баллов. Это был тайфун.

В полночь в трюме отскочил цемент и сквозь пробоину хлынула вода.

Когда забрезжило утро, небо еще ниже спустилось над морем, и маленький пароход, взлетая ввысь, точно врезался в рыхлые, рваные тучи.

С палубы уже давно снесло все грузы. Во всех проходах клокотала вода, а наверху, на разбитом мостике, нахохлившись, в тяжелой шубе с высоким боярским воротником стоял Леонард Карлович.

В трюме, по колени в воде, матросы лихорадочно заделывали пробоины. Другие ведрами черпали воду. В кочегарке, куда спустился Головин, по приказанию капитана уже были потушены топки. Мутная, грязная вода с шипением пенилась под ногами снующих людей.

Бакута и Андрей возились у помпы. Андрей был бледен и выглядел изможденным. Это был его первый рейс и первый шторм.

Весной он нанялся на «Звездочет» матросом второго класса. Как он был счастлив, получив в конторе паро-

ходства мореходную книжку! С детских лет, потом в фабзавуче судостроительного завода он мечтал стать моряком. После работы он отправлялся в порт и не уходил от причалов до поздней ночи. Он знал все суда, мощность их машин и водоизмещение. Даже ночью по силуэтам труб и мачт он узнавал любой пароход.

И вот мечты сбылись: он моряк. Со старым, разбитым, перевязанным веревками сундуком явился он на судно, держа подмышкой потрепанную тужурку. Позади него испуганно подымалась по трапу плачущая тетка — единственный близкий ему человек.

Поднявшись на палубу, вне себя от смущения, он поставил сундук, не зная, куда итти.

Нежный, еще совсем ребяческий румянец, покрывавший лицо Андрея, мягкие белокурые волосы, робкие серые глаза и вся его хрупкая фигура делали его похожим на девушку. Таким он пришел на судно, и в первые дни плавания матросы, подшучивая над ним, не давали ему прохода.

Но вскоре они узнали, что Андрей — сын партизана, замученного японцами, что вместе с отцом погибла его мать, и шутки прекратились.

Мягкость Андрея и его работоспособность завоевали симпатии моряков: что же касается Бакуты, то он заявил, что «из этого мальчика выйдет просоленный моряк».

Рейс на Камчатку прошел при благоприятной погоде, и Андрей теперь впервые переживал ненастье. Лицо его пожелтело, осунулось, губы побледнели, на лбу слиплись волосы; он крепился, но все видели, с каким трудом он передвигался по палубе, как угнетала и мучила его морская болезнь. Бакута не отпускал его от себя. Боцман считал, что новичку необходимо как можно больше быть на воздухе и работать не покладая рук, чтобы забыть о болезни. Он делал вид, что не замечает состояния своего любимца, а тот, в свою очередь,

работал изо всех сил, стараясь ничем не выдать своих страданий.

Согнувшись и припадая к палубе, Головин пробрался на мостик. Леонард Карлович стоял, заложив руки за спину, и бинокль блестел на его мокрой груди. Он вытянул вперед голову и заложил руки за спину. За левой его щекой двигался шарик конфеты.

— Ступайте к радисту, — промолвил Кланг, языком перекладывая конфету за правую щеку. — У этого молодца, кажется, полная авария.

В радиорубке был хаос. Разбитая, расщепленная дверь лежала на пороге, а за ней валялись осколки ламп и обрывки проводов. Убитый горем радист на коленях ползал по лужам, собирая свое имущество. Не смея поднять глаз на вошедшего штурмана, он еле слышно проворчал:

— Хотел бы я видеть кого-либо другого на моем месте...

— Восстановить невозможно? — спросил Головин. — Что вы успели передать?

— Пять раз я восстанавливал... Антенну разрывает, как нитку. Три раза принимался работать, но... видите сами...

Штурману не пришлось докладывать капитану о положении дел на судне. Леонард Карлович, лишь только Головин стал с ним рядом, порывисто обернулся и проворчал:

— Случилось самое худшее, чего можно было ожидать: размагнитились компасы. Но они все равно мало помогли бы нам, — словно обнадеживая штурмана, добавил он.

. . . .

Три дня носился пароход в неистовом урагане. Все попытки радиста наладить передачу кончались ничем, и едва лишь, чудом наладив аппарат, он брался за

ключ, как ветер срывал антенну. К концу четвертого дня Леонард Карлович отдал Головину последнее распоряжение:

— Приготовить шлюпки! Когда закончите, явитесь ко мне в каюту. Не более чем через полчаса судно пойдет ко дну.

У шлюпбалок штурман столкнулся с Бакутой.

— Готово! Все в порядке! — прокричал боцман. — Можете докладывать!

Головин отправился в каюту капитана. В узкой темной каюте под креслом белели деревянные голландские башмаки. По полу перекатывался кокосовый орех, в давние времена вывезенный капитаном из тропиков. Кланг сидел за столом и аккуратно делал записи в вахтенном журнале.

В каюту одновременно с Головиным вошел радист.

— Рация окончательно выбыла из строя, — доложил он.

— Знаю, — кивнул капитан. — Кстати, я надеюсь, давая сигналы, вы называли судно его старым именем «Звездочет»?

— Нет, — испуганно признался радист, — «Звезда Советов»...

— Но ведь мы числимся «Звездочетом», — поморщившись, но не меняя тона, сказал капитан. — Никто, вероятно, не знает о переименовании...

— Простите... Я думал...

— Ступайте... Марш на палубу! — усталым голосом промолвил Кланг. — Я не имею к вам никаких претензий.

— Итак, — поднимаясь из-за стола, сказал капитан, — мы сейчас же должны покинуть судно. Люди расписаны? Знают свои места? Отлично. Вы садитесь в первую шлюпку и командуете ею. Не возражать! Так я приказываю. Отправляйтесь!

Головин повернулся, чтобы уйти, но капитан схватил его за руку.

— Погодите! Попрощаемся... — Приподнявшись на носки, Леонард Карлович притянул к себе голову штурмана и торопливо поцеловал его в висок. — Возьмите, пожалуйста. — Капитан снял с шеи бинокль и закрутил ремень от него на руке штурмана.

В первой шлюпке вместе с Головиным и Бакутой разместилось еще девять человек. Шлюпку высоко подняло на гребне волны, и Головин увидел, как с правого борта отплыла вторая шлюпка. Ему показалось, что капитана в ней нет. Но разве можно было в вечерней мгле разглядеть маленькую фигуру Кланга?

Шлюпки покинули пароход как нельзя более своевременно. Судно резко накренилось. И вдруг Головину померещилось, что кто-то пробежал вдоль борта. В следующую секунду штурман, задрожав всем телом, увидел у радиорубки Кланга.

— Гребите к судну! — вне себя крикнул он Бакуте. — Капитан остался!

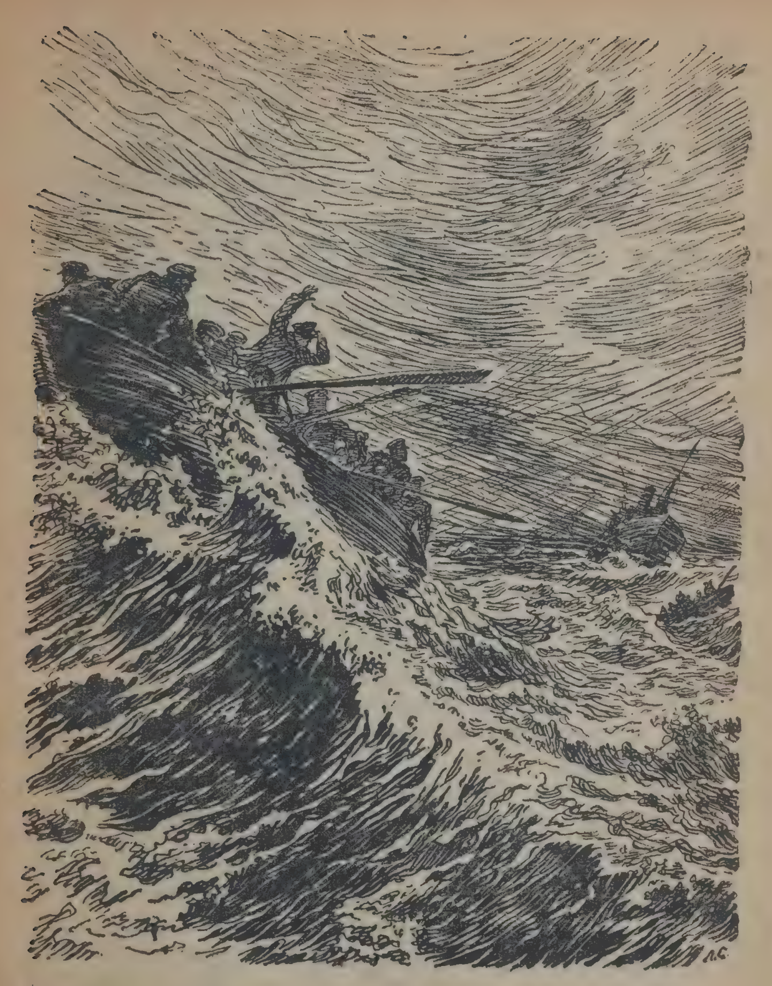
— Не сметь! — донесся издалека голос Кланга. — Я приказываю не подходить!

Каждую секунду шлюпка могла опрокинуться, но Бакута повернул руль, и все встали, цепляясь друг за друга. Все видели, как капитан, взобравшись на крышу радиорубки, схватился за мачту. В руках его мелькнул канат. Захлестнув канат вокруг мачты, он привязал себя под руки, взмахнул фуражкой и прокричал:

— Прощайте, друзья!..

— Вперед! — крикнул Головин и, не задумываясь, рванулся с места, чтобы броситься в воду.

Но в этот момент «Звезда Советов», тяжело покачнувшись, скрылась под водой. Бакута крепко держал потрясенного Головина.

— Гребите к судну! — вне себя крикнул он Бакуте. — Капитан остался!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Шлюпка с погибшего парохода

Гибель парохода произошла 27 октября, в 17 часов 40 минут. В осенних сумерках, которые в то ненастное время года ничем не отличались от ночи, скрылась из виду вторая шлюпка. Она пропала во мгле, унесенная яростным ураганом, и в завываниях ветра никто не услышал прощальных криков.

С поникшими головами сидели моряки в шлюпке Головина. Волны швыряли ее из стороны в сторону, и только воздушные ящики удерживали на поверхности беснующегося моря. Гонимые стремительным ураганом, одиннадцать человек мчались неизвестно куда. Несколько раз шлюпку едва не перевернуло вверх килем, но, проваливаясь под воду, захлебываясь, задыхаясь, оцепеневшие люди продолжали сидеть, вцепившись в борта.

В шлюпке, кроме Головина и Бакуты, были Андрей Мурашев, Нина Самарина, кочегары Грунин, Золотов, Морозов и Иванов, матрос Дружко, матрос-ленинградец Вишняков и механик Данилин.

Гибель маленького корабля и скитания моряков — только начало нашей истории, и потому мы лишь коротко расскажем о том, что произошло в последующие дни после аварии парохода.

На рассвете, когда немного рассеялась ночная мгла, совсем близко, на расстоянии километра, моряки увидели темное расплывчатое пятно. В дымящихся клубах разносимого ветром тумана, тяжело раскачиваясь, двигался силуэт корабля. На мгновенье чуть заметно мигнул красный сигнал, и тотчас пароход скрылся из виду. Тихий протяжный гудок послышался через минуту и больше не повторялся.

На третьи сутки ветер упал, зловещее серое солнце едва освещало затихающее море, и тогда обессиленные, оцепеневшие люди с особенной силой почувствовали голод. Нина раскупорила консервы аварийного запаса и распределила пищу на порции. Но пресной воды в шлюпке не оказалось, и двое суток, пока не пошел дождь, матросы мучились от жгучей жажды. Дождь был для них спасением. Жадно подставив ладони, они ловили холодные капли. Нина тем временем расстелила на дне шлюпки брезент и вскоре собрала целое ведро воды.

Слабый ветер гнал шлюпку на восток. Когда спасительный дождь прекратился, Нина свернула брезент и, вытащив ножницы, принялась, к всеобщему изумлению, разрезать его на куски.

— Отставить! — взревел боцман, хватая ее за локоть. — Не сметь портить добро!

Но девушка нисколько не испугалась крика Бакуты. Легким движением она отстранила его руку и сказала:

— Парус! Разве вы против?

Боцман, выпучив глаза и подняв плечи, остался сидеть с открытым ртом.

— Откуда ты такая взялась? — наконец произнес он, словно Нина только сейчас явилась перед ним из глубины моря. — Как это ты узнала, что у меня задумано в голове? Ведь это же моя мысль — поставить парус!

Под парусом, сооруженным из кусков брезента и двух весел, шлюпка быстро заскользила к прояснившемуся небу востока.

Как ни странно, но именно Нина, казалось, легче всех переносила лишения и голод. Моряки по временам забывали, что с ними девушка. Тихая, неприметная, она беззаветно помогала всем, и когда у изнемогающих товарищей опускались руки, она подхватывала весла

или вычерпывала ведром воду; силы не оставляли ее, хотя она ела меньше всех и даже припрятывала для больных свой скудный дневной паек.

Еще со времени ухода «Звездочета» из Владивостока все привыкли к тому, что эта маленькая, крепкая дочь амурского рыбака была молчалива и избегала разговоров. Она была неизменно спокойна, никогда не оставалась без работы и даже ночью, скрываясь в своей маленькой каюте, чинила матросскую робу [1]. Закутанная в платок, опустив голову, пряча глаза, она бесшумно сновала по судну, и только один раз матросы и кочегары «Звездочета» увидели и навсегда запомнили ее глаза. Это было у берегов Камчатки, в веселый солнечный день, когда все свободные от вахты матросы и кочегары, собравшись на палубе, пели и балагурили. Нина торопливо проходила с ведрами по правому борту.

Силач кочегар Василий Ковтун, шутник и затейник, стал поперек ее пути, расставил руки и предложил:

— Спой с нами. Куда спешишь?

— Не могу, — тихо ответила Нина, — я работаю...

— Обойдется, — обхватив девушку, засмеялся кочегар. — Сейчас мы с тобой спляшем.

— Нет, — спокойно возразила Нина, — я говорю, мне надо работать. Пусти!

— Ни за что! — воскликнул кочегар. — Плясать, так плясать!

Нина ничего не ответила, осторожно поставила ведра и так же тихо попросила:

— Пропусти.

— Не пропущу. И не думай!

— Пропустишь, — не меняя тона, повторила Нина.

Кочегар еще крепче схватил девушку. И вдруг —

---

[1] Роба (морское) — форменная одежда.

никто не заметил, как это произошло — Нина вырвалась из рук кочегара. Косынка сползла с ее головы, длинные каштановые волосы рассыпались по плечам. Она глубоко дышала, круглое ее лицо оставалось невозмутимым, но огромные глаза горели такой решимостью, что все наблюдавшие эту сцену отступили назад.

Неподвижные сверкающие глаза смотрели на балагура в упор, и кочегар оторопело попятился назад.

С тех пор никто не решался приставать к Нине с любезностями или насмешками.

Потом узнали о ней, что с детских лет она осталась без матери и, будучи единственным ребенком, с девяти лет рыбачила с отцом. Ей было шестнадцать, когда умер отец. Тогда она поступила на пароход уборщицей и с той поры, вот уже четыре года, работала на судах дальнего плавания.

Не все оказались столь выносливыми, как Нина. Нервное потрясение при аварии судна и ледяная стужа погубили шесть человек. Спустя восемь дней после гибели «Звездочета» скончались механик Данилин, Золотов, Грунин, Иванов, Морозов и Дружко. Никакие заботы не могли их спасти, и напрасно Нина по приказанию Головина выдавала больным двойной паек.

Отвергая пищу, они метались в горячке на дне шлюпки. Еще через четыре дня умер матрос Вишняков.

Накануне пронесся короткий дождь, и лежавший у кормы Вишняков неожиданно подполз к Мурашеву. Как ни в чем не бывало, точно стряхнув мучительный жар, матрос сел рядом с Андреем и внезапно попросил:

— Накинь на меня твой бушлат. Я немного продрог. Что со мной было?

Он задумчиво сидел всю ночь, охватив руками голо-

ву, и все были уверены, что он поправился. Утром Нина, разделив консервы и соленые от морской воды сухари, к удивлению друзей, раскупорила еще одну банку, в которой оказались яблоки.

— Ешьте! — со смущенной улыбкой сказала она товарищам. — Сегодня праздник.

— Совершенно верно, — подхватил Бакута. — Седьмое ноября. Я еще вчера, когда делал зарубку, хотел поздравить.

Боцман каждую ночь ножом отмечал на левом борту шлюпки прошедший день. Это был его календарь.

Моряки встали и торжественно прокричали «ура». Крепко держась за руки, они запели гимн. Слабыми голосами пели они, и вдруг низкий бас Бакуты оборвался. Боцман отвернулся от друзей.

— Пропал мой голос, — тихо промолвил он.

Праздничный день приподнял настроение друзей, и боцман до заката солнца рассказывал, как в прежние времена он поражал всех своим несравненным басом. В воспоминаниях не замедлила появиться молодая, сказочно богатая англичанка. Однажды, как уверял боцман, на стоянке в Ливерпуле молодая миллиардерша услыхала его пение и, от восхищения потеряв рассудок, гналась за ним до Ревеля. Миллионы, брошенные к ногам певца, не помогли — каменный Бакута надменно отверг богатство и слезы красавицы.

На исходе тихой, безветреной ночи заснувшего было Головина разбудил прерывистый шопот. Открыв глаза, он с трудом разглядел в темноте возбужденного Вишнякова. Матрос, согнувшись, стоял на коленях и изо всех сил тряс онемевшую Нину. В каком-то неистовом припадке толкал он ее.

— Нина! Нина! Нина, гляди! Нева... — дрожащим голосом твердил он, указывая вдаль. — Нина, почему

мы плывем по Неве? Смотри, сколько огней!.. Иллюминация!.. Да гляди же, Петропавловская крепость! Красные, синие, зеленые огни!..

Содрогаясь от радости, протянув руки, он плачущим шопотом повторял:

— Нева! Нева! Мосты!.. А народу, народу! Сколько народу гуляет по набережной... Флаги!.. Нина, скажи мне, скажи же, как это мы попали на Неву? И к празднику, к самому празднику поспели!

И вдруг, резко отбросив Нину, Вишняков вскочил на ноги.

— Мост! — вне себя закричал он. — Боцман, лево руля! Ребята, мост! Мост! Быки! Расшибемся! Куда вы, ребята? — в ужасе завопил Вишняков. — Быки, быки!..

И он бросился за борт. Не успел Головин опомниться, как Нина схватила Вишнякова за ворот рубахи. Через минуту они втащили его назад в лодку. Он всхлипывал и тихо, про себя бормотал.

На рассвете он умер.

В шлюпке осталось четверо.

И еще девять суток, не встречая пароходов, плыла шлюпка в океане. На двадцать первый день четверо моряков плыли уже под палящим солнцем тропиков. По единодушному заключению Головина и Бакуты, шлюпка очутилась в центре Тихого океана, и теперь в любую минуту можно было ожидать спасения. Штурман и боцман твердо надеялись встретить один из многочисленных пароходов, совершающих рейсы из Америки в Японию и Китай. К этому времени подошли к концу все запасы продовольствия, а от недавно прошедшего ливня у моряков сохранилось лишь полведра пресной воды. Нина печально распределила остаток сухарей. Пряча в карман последний паек, Бакута обратился к товарищам с удивительной речью. Пораженные, слушали его Головин, Андрей и Нина.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рука на борту

Бакута положил свои огромные руки на колени и, устремив на Головина тоскующий взгляд, спросил:

— Скажите, Александр Павлович, как я выгляжу? Сделайте одолжение. Мне это очень нужно знать.

— Отлично, — недоумевая, ответил штурман. — Я нахожу, что вы выглядите лучше всех.

— Я так и думал, — печально кивнул боцман. На мгновение едва заметное самодовольство промелькнуло в его глазах.

— К чему вы это спрашиваете? — осторожно осведомился Головин.

— Я сейчас все расскажу, — чуть слышно прошептал Бакута, — но слушайте меня внимательно, потому что я сию же минуту должен получить ответ.

Боцман задумчиво потер ладонями колени и, вскинув голову, гордо заявил:

— Хотелось бы мне знать, кто представляет себе, что способен съесть в один прием боцман Иван Бакута, моряк советского торгового флота?

— О-о-о, — откликнулся Мурашев, — кто же не помнит, как вы на «Звезде»...

— Боцман Иван Бакута, — величественно остановил Андрея боцман, — это человек, который играючи съедает буханку хлеба, котел борща или такую миску щей, в какой можно свободно искупать годовалого ребенка.

После этого неожиданного вступления боцман, несколько оживившись, продолжал:

— Однажды, хотите верьте, хотите нет, в тысяча девятьсот восьмом году в Гамбурге я навел ужас на весь Сан-Пауль, когда на пари выпил бочонок пива и закусил всем, что было в буфете. Впридачу я мог еще

слопать хозяйку биргалки. Таков был Иван Бакута. Надо вам сказать, что немец берет кружку пива, сосиски, сигаретку и сидит королем целый вечер. Но разве это дело для русского моряка? И совершенно понятно, что когда ко мне подошла медхен и поставила на стол одну кружку пива, три сосиски и кружок хлебца, я, конечно, не стерпел издевательства. Я хлопнул бумажником по столу и загремел: «Милостивые государи, если к вам пришел честный русский моряк, то он не потерпит насмешки и не позволит морить себя голодом!» Все сидевшие в биргалке поднялись из-за стола. Один из немцев с почтением подходит ко мне и протягивает руку. «Хотите пари?» предлагает он...

— Боцман, вы что-то хотели спросить у меня, — вставил штурман, воспользовавшись моментом, когда Бакута, проверяя действие своего рассказа, повернулся к Андрею.

— Совершенно верно, — спохватился боцман, — вы уже, я думаю, слыхали, как я выиграл пари и что я съел в буфете этой поганой биргалки. Уверяю вас, теперь мы с этим запасом могли бы плавать еще суток десять.

Простодушный Андрей в восхищении пододвинулся к боцману, но Головин жестом приказал ему не отвлекать Бакуту.

— И вот, — заключил боцман, — для такого человека, как я, это не житье. Я не навожу паники. Я надеюсь, что продержусь не меньше вас, однако я хочу просить у вас, Александр Павлович, честного слова на тот случай, если я раньше всех отдам концы...

— Что с вами? — воскликнул Головин. — Я не узнаю вас, Бакута.

— ...если я отдам концы, — покачивая головой, повторил боцман. — Но... но, Александр Павлович, хотя вы и молодой человек, но я вас считаю настоящим

моряком. Александр Павлович, я вам верю, как себе... И вы мне должны дать честное слово.

— В чем? — решительно потребовал штурман. — Говорите же наконец!

Неожиданно Бакута по-ребячьи заморгал глазами и вдруг взмолился:

— Дайте честное слово! Скажите, что вы, товарищи, не съедите меня, когда я...

— Боцман! Вы с ума сошли! — гневно прикрикнул на него Головин. — Да как вы смеете...

— Нет, нет... — засуетился на месте Бакута. — Не обижайтесь, дайте мне досказать. Я самый большой из вас. Мало ли чего на море не бывает! Я не боюсь за себя. Если я не выдержу и сыграю за борт, мне не страшно. Я боюсь за вас. Когда вы спасетесь, вы, молодые советские моряки...

— Молчать! — окончательно вышел из себя возмущенный Головин. — Это подлость так думать.

— Подлость! Подлейшая подлость! — обрадованно подхватил Бакута. — Я этого и не думал про вас. Но море... Не обижайтесь, прошу прощения!.. Я просто потерял соображение.

В течение дня Головин не разговаривал с боцманом.

В безветреном, ослепительно синем океане под горячим небом вяло опустился парус, и в тишине, изнывая от жажды, моряки лежали на дне шлюпки, пряча головы от солнца.

Над неподвижной водой проносились стаи легких серебристых летучих рыб. Сверкая на солнце, они, высоко взлетая, описывали дуги и неслышно исчезали, словно растаяв в прозрачном воздухе.

Защитившись парусом от опасных тропических лучей, Головин беспрерывно глядел в бинокль. И иногда ему начинало казаться, что именно сейчас, через минуту, через секунду, на горизонте прорежется бледно-

голубая полоска земли или появится дым парохода. Бакута, следя за штурманом, убеждал Андрея:

— А мне не нужно бинокля. Я и за пятьдесят миль почую, если где пойдет судно. Бинокль ничего не поможет, а я, не глядя, скажу: «Земля», и вы все увидите берег или остров.

— Как же так? — искренне изумлялся Андрей. — Как это вы узнаете?

Боцман, испытывая величайшее удовлетворение от подобных вопросов, разъяснял свои чудесные свойства скромно и коротко:

— Надо быть Бакутой...

Ночью моряков разбудило удивительное происшествие. О шлюпку дважды ударилось что-то твердое. Проснувшись от толчков, друзья сначала подумали, что они попали на мель. Опустив весла, они сразу же убедились, что под лодкой прежняя глубина. На рассвете удар повторился снова.

В полдень опять раздался удар слева, и Бакута, перегнувшись за борт, в следующую секунду с радостным криком кинулся в воду.

Покинув шлюпку, боцман быстро поплыл по океану, точно кого-то догоняя. Откуда только взялись силы у истощенного старика! Он плыл, широко разбрасывая длинные руки, и внезапно нырнул.

Не менее минуты он находился под водой. Друзья уже стали беспокоиться. Андрей, ожидая разрешения штурмана, стоял, готовясь немедленно броситься за Бакутой, но тот как раз в этот момент вынырнул из глубины и торжествующе, отфыркиваясь, закричал:

— Ура! Гребите ко мне! Бросай конец!

Волнение и всплески над тем местом, куда второй раз нырнул боцман, показывали, что под водой происходит какая-то борьба. С канатом в руках Андрей прыг-

нул за борт, и вот наконец боцман выплыл у самой шлюпки с темнозеленой черепахой.

С необычайной ловкостью Бакута обкрутил канатом непокорные, скользкие черепашьи лапы. Однако силы уже оставили боцмана, и он, задыхаясь, с невероятными усилиями взобрался на корму. С трудом изможденные моряки втащили в шлюпку черепаху, которая весила не менее тридцати килограммов.

— На спину! Переворачивайте ее на спину! — командовал боцман. — Теперь у нас мяса хватит на целый век.

Отдышавшись, счастливый Бакута немедленно вскрыл панцырь черепахи.

— Не иначе как близко берег, — к всеобщей радости убежденно заявил боцман. — Они далеко не уплывают. Или, может быть, шторм ее загнал? Но... что бы там ни было, теперь мы наедимся, как кабаны.

Раздумывать не приходилось. Голод вынуждал есть мясо сырым. Боцман отрезал четыре куска и хотел было приступить к еде, как вдруг Головин, что-то вспомнив, остановил его.

— Боцман, — обрадованно приказал он, впервые после вчерашнего разговора обращаясь к Бакуте, — настрогайте с банки[1] щепок! Как можно больше щепок.

— Есть настрогать щепок! — отозвался Бакута, не смея спрашивать, к чему это понадобилось Головину.

Штурман вывернул из капитанского бинокля большое стекло, и тогда его намерения стали понятны.

В ведре Нина сложила сухие, пропитанные масляной краской щепки, и через десять минут посреди шлюпки горел зажженный стеклом костер, а еще через полчаса моряки ели превосходное жареное мясо.

— Спасены! — беспрестанно твердил Бакута, на деле

[1] Банка (морское) — скамейка в лодке или на корабле.

доказывая товарищам размеры своего аппетита. — Не так-то легко загибаются советские моряки!

Воспользовавшись благоприятным случаем, боцман не мог удержаться, чтобы не рассказать Андрею множество историй про черепах.

— Хотите знать, — отрывая зубами сочный кусок мяса, говорил он, — иной раз мне встречались такие чудища, перед которыми эта черепаха покажется не больше, чем блюдечко для варенья.

Не откладывая дела в долгий ящик, боцман тут же рассказал о том, как однажды у берегов Мексики он поймал черепаху величиной с шестивесельную шлюпку, и как пароход тащил ее на буксире до Одессы, и как затем он через весь город тащил ее на канате. Городской театр опустел, вся публика выбежала на улицы. Остановились трамваи, а растерянные городовые, боясь подступиться к невиданному чудовищу, вызвали пожарную команду. Но к тому времени боцман благополучно дотащил свою черепаху на приморскую улицу, где он квартировал во время стоянок парохода. На счастье, в доме нашелся подходящий сарай, и черепаху удалось скрыть от глаз любопытных. Но слух о диковинке разнесся по всей Одессе.

— В газетах писали, — невозмутимо рассказывал Бакута. — Одним словом, наделала шуму моя находка. Из Санкт-Петербурга приехал знаменитый профессор и хотел ее купить у меня. Но я ему сказал, что она мне самому нужна... для смеху. Профессор неделю прожил в Одессе, с утра приходил на двор и прямо убивался у сарая. Он мне давал... десять тысяч, но я сказал, что капиталом не интересуюсь, и он, безутешный, уехал.

— Что же вы с ней сделали, с черепахой? — запинаясь, спросил Андрей. Он всегда, не задумываясь, верил боцману, но на сей раз чувствовал что-то неладное.

— Подарил хозяйке, — скромно закончил Бакута. — Все равно, думаю, подохнет животное, зачем его мучить? Я прикончил черепаху, распилил панцырь, и хозяйка получила дивное корыто. С тех пор прошло двадцать пять лет, но если хозяйка жива, она и по сей день стирает в нем белье. Такое корыто будет служить тысячу лет.

Ночью друзья спали крепко, как никогда. Не спал один Головин. Он нес вахту и, глядя на звезды, ожидал первого признака рассвета.

Раскинув ноги и руки, громко храпел Бакута. Временами он поворачивался с боку на бок, открывал глаза, приподымался, осматривался вокруг, потом опять с ворчанием укладывался и через секунду засыпал.

Нина, свернувшись клубком, была похожа на ребенка, и рядом с ней, подложив под щеку кулак, спал Андрей. Молодой матрос часто стонал во сне; слыша его жалобные вскрики, штурман вспоминал погибших товарищей и Леонарда Карловича Кланга.

Под звездами тропической ночи медленно двигалась шлюпка. За кормой вспыхивали фосфорические огни. Опять застонал Андрей, боцман грузно перевернулся и глухо пробурчал: «Отставить». Головин лежал на корме, рассматривая созвездие Южного Креста и спустившуюся к самому горизонту Полярную звезду, которая недавно так высоко мерцала на ночном небе Камчатки. Тихие всплески перебили его мысль Через минуту всплески послышались уже совсем близко, у самого борта.

Решив подняться, Головин схватился за борт шлюпки и вдруг нащупал жилистую человеческую руку. Он застыл, оборвав дыхание Не веря себе, он хотел разбудить друзей, но в этот миг человеческая ладонь легко сжала кисть его руки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

„Скажите, кто мы?"

В первую секунду штурман подумал, что все происходящее — галлюцинация, возникшая в результате голода и жажды.

Но вот мокрые пальцы разжались и выпустили его руку. Штурман резко обернулся. За шлюпкой темнела спокойная вода. Яркие, светящиеся фосфорические огни искрились под кормой. Сияющее изумрудное пятно, вспыхивая и угасая, медленно опускалось в черную глубину.

И вдруг уже впереди послышался всплеск, и в глубокой темноте за парусом промелькнул человеческий силуэт. Откинувшись назад, Головин ясно услыхал, как кто-то взобрался в шлюпку и, чуть слышно отфыркиваясь, сел возле спавшего Мурашева.

В безлунной тропической ночи нельзя было ничего увидеть, но человеческий силуэт смутно вырисовывался на фоне неба, закрывая собой часть звезд.

— Кто на борту? — громко спросил Головин, и в ту же минуту проснулся Андрей.

— Что за человек? — вскинув руки, воскликнул он. — Боцман, штурман, кто это?

От голоса Мурашева проснулась Нина. Она также застыла в изумлении, а штурман тем временем будил боцмана. Но не так-то легко было растормошить Бакуту!

Загадочный человек, появившийся из глубины океана, продолжал неподвижно сидеть на носу шлюпки.

— Кто на борту? — повторил свой вопрос Головин. — Мурашев, разбудите боцмана! — приказал он и опять обратился к силуэту: — Отвечайте, я жду.

Но человек молчал.

Тряся изо всех сил за плечо боцмана, Мурашев наконец разбудил его.

— На вахту? — зевнул боцман, расправляя плечи, и сразу притих. — Кто это? — встрепенувшись, спросил он, глядя на незнакомца.

Не получив ответа, Бакута вскочил и схватил неизвестного за руку. Повидимому, боцман сделал это достаточно энергично, так как тот жалобно вскрикнул и торопливо залепетал:

— Огайо!.. Огайо!..

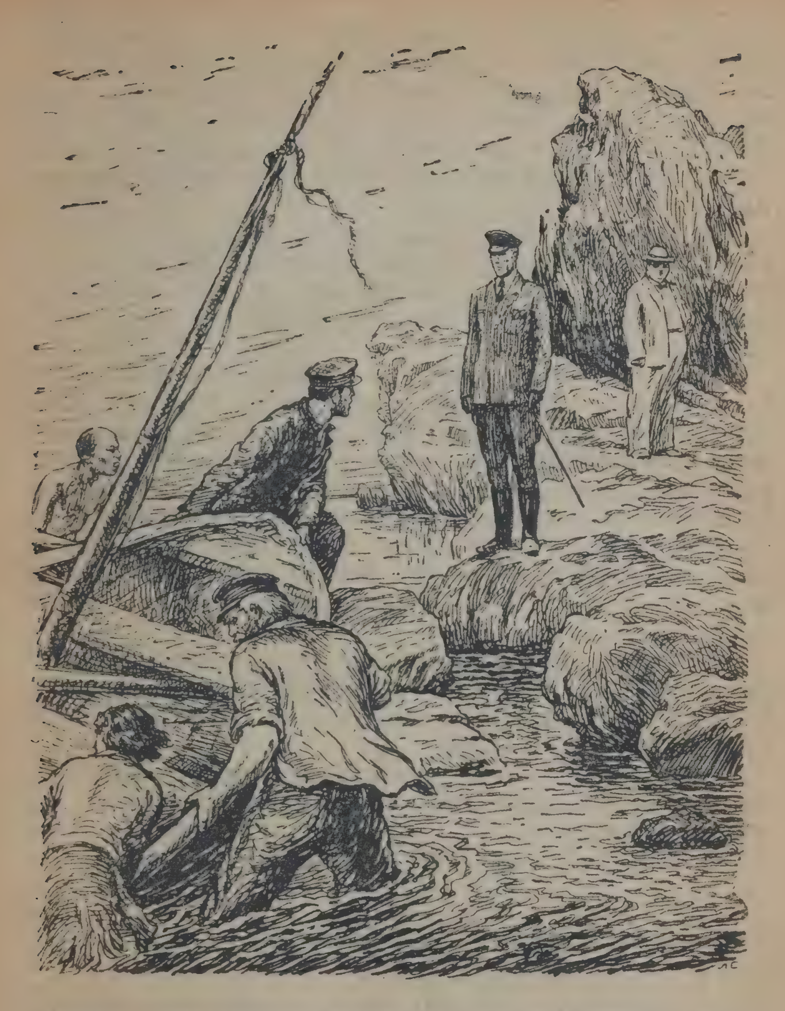
— Японец! — выпалил Бакута. — Я их, закрыв глаза, узнаю. «Огайо» — это на их языке «здравствуйте».

Быстро светало. В фиолетовом воздухе, краснеющем от еще скрытого за океаном солнца, моряки уже четко видели своего странного гостя. Это был низкорослый костлявый японец с тонкими искривленными ногами. Повязка из синей материи обтягивала его бедра. Маленькими ладонями сухощавых рук он беспрестанно растирал свою мокрую грудь. Он сидел точно спал, закрыв глаза, и только движения его рук указывали на то, что он бодрствовал. Через несколько минут, когда взошло солнце, японец перестал растирать грудь и открыл глаза. И мигом преобразилось его лицо. Сверкающие черные прищуренные глаза скользнули по сидящим в шлюпке. Маленькое лицо сморщилось, и вдруг японец улыбнулся.

— По моему соображению, — сказал боцман, — этот человек, как и мы, спасается с аварийного судна. Кушай, — указал он ночному гостю на черепаху. — Мало-мало кушай — ваша любит черепаху...

Японец отказался, и когда боцман обиженно спрятал мясо, он встал и, к удивлению Головина, принялся убирать парус.

— К чему это он? — спросил Бакута, очевидно ожидая приказаний штурмана.

Моряки, вытаскивавшие шлюпку на берег, не заметили, как к ним подошли двое людей.

— Не мешайте, — внимательно следя за движениями японца, сказал Головин. — Посмотрим дальше.

Ловко и аккуратно свернув парус и сложив его под банкой, японец взялся за весла, знаком приглашая друзей сделать то же самое. Когда моряки подняли весла, японец перебежал на корму, сел у руля и повернул шлюпку.

Не возражая ему, друзья гребли, ожидая, что в конце концов он разъяснит свое поведение. Но не прошло и часа после восхода солнца, как на юге показалась синяя полоса земли. Очень скоро шлюпка пристала к скалистому берегу.

— Хелло! [1] — раздалось за спиной Головина.

Моряки, вытаскивавшие шлюпку на берег, не заметили, как к ним подошли двое людей. Один из пришедших, обратившийся к морякам, был высокий худощавый белокурый европеец с длинным бледным лицом. В стороне от всех остановился пожилой тучный японец в белом тропическом костюме. В то время как европеец пожимал прибывшим руки, японец раскланивался, не двигаясь с места, и его равнодушное лицо ничего не выражало.

— Поздравляю вас, — сказал по-английски европеец. — Судя по всему, вы испытали немало лишений. Извините, я не осведомился, говорите ли вы по-английски? — спросил он Бакуту.

— Э литл бит [2], — с готовностью ответил боцман, но больше он не нашел слов и смущенно спрятался за спину штурмана.

— Ай ду спик инглиш [3], — решительно заявил Голо-

---

[1] Хелло! — английское приветствие; от этого слова русское «алло» при начале телефонного разговора.

[2] Э литл бит (англ.) — немного.

[3] Ай ду спик инглиш (англ.) — Я говорю по-английски.

вин. — Благодарю вас. Мы моряки с погибшего советского парохода «Звезда Советов».

— Во всяком случае, — сказал европеец, — прежде всего вам следует отдохнуть и притти в себя.

Отвыкшие от движения моряки, шатаясь, с трудом поспевали за быстро шедшим впереди человеком.

Груды больших, точно отшлифованных камней — вот все, что они увидали на своем пути. Бурый холм и одинокая скала скрывали панораму острова. Вскоре перед холмом открылась сложенная из камней хижина. Европеец, нагнувшись, вошел в нее, и друзья, последовав за ним, очутились в полутемном помещении, откуда ступени вели в пещеру.

На земле лежало несколько циновок, и островитянин, зажигая масляный светильник, торопливо сказал:

— К сожалению, больших удобств мы вам не можем предоставить. Располагайтесь. Впоследствии вы устроитесь удобней. Сейчас к вам явится доктор.

Вскоре действительно пришел доктор, японец. Он выслушал моряков и предписал им полный покой. Вслед за доктором в пещеру пришел солдат со свертком одежды. Нине достался широкий цветистый мужской халат.

Пожелав друзьям отдыха и покоя, европеец откланялся и ушел, с готовностью записав, со слов Головина, радиограмму в Москву с сообщением об их спасении.

...Ночью, когда товарищи заснули, Головин почувствовал странное беспокойство. Вспоминая минувший день, он терялся в догадках. Остров обитаем. Но отчего их поместили в пещере? Почему в разговоре европеец не назвал себя, а японец, неотступно следовавший за ним, все время молчал? Беспокойные мысли штурмана прервал Бакута. Боцман, кряхтя, поднялся с циновки и направился к выходу.

— Пойду погляжу, куда это мы попали, — сказал он Головину. — В один момент узнаю, что это за остров.

Бакута ушел. Но не более чем через полминуты он вернулся обратно.

— Не пускают, — растерянно и с досадой сообщил он. — Наверху японец... с винтовкой.

— Очевидно, — попробовал успокоить его Головин, — по предписанию врача мы должны лежать.

— Лежать? — запротестовал боцман. — Да я в жизни не знал, что такое лазарет. Я здоров, как дьявол.

Утихомирив Бакуту, штурман с еще большей тревогой принялся обдумывать происходящее. «Вход охраняется солдатами. Что бы это могло означать?..»

. . . .

В течение двух дней моряки, совершенно не нуждавшиеся в лечении, оставались в пещере. Лишь ночью поодиночке их выводили на воздух, но под присмотром, и разрешали быть наверху не более пяти минут.

Перед их глазами чернели пустынные каменные валуны, вблизи за скалой тихо плескался океан. Часовой, не сводя глаз с моряков, держал ружье наизготовку. Головин был вне себя, не находя объяснений этим загадочным обстоятельствам.

По утрам в пещеру заходил бледный европеец; он на другой же день заявил, что телеграмма во Владивосток послана, но ответ еще не получен. Тягостное недоумение Головина росло с каждым часом. Он понимал, что жители острова ставят у пещеры часовых вовсе не для того, чтобы охранять их здоровье и покой. Но штурман попрежнему для видимости оставался безразличным, не переставая мучительно доискиваться причины странного гостеприимства, похожего на плен.

На третий день, при очередном посещении европейца, Головин задал ему несколько прямых вопросов, но, как и прежде, получил уклончивый ответ.

— Когда мы сможем выйти на воздух? — сдержанно спросил Головин. — Мы чувствуем себя великолепно.

— Как только разрешит врач.

— До сих пор вы не сказали нам, где мы находимся. Это по меньшей мере удивительно...

— Врач надеется...

— Я настаиваю, — резко возразил Головин, — я требую объяснений. Где мы находимся?

— Вам необходимо окрепнуть...

— Скажите, в таком случае, — решительно поднялся Головин, — кто мы? Гости ваши или... пленники?

С молчаливым поклоном европеец, не произнося ни слова, удалился.

Ночью случилось то, чего давно ожидал штурман.

Бакута, не глядя в сторону Головина, поднялся с цыновки и вышел из пещеры. Предчувствуя возможность скандала, Головин последовал за ним. Но было уже поздно. Бакута гневно подступил к вооруженному японцу и, когда тот вскинул винтовку, ударом кулака сшиб его с ног. Часовой без чувств покатился по ступеням пещеры. Не обращая внимания на зов Головина, Бакута скрылся в темноте. Штурман хотел остановить его, но вспомнил про часового и спустился вниз. С помощью Нины он привел в чувство солдата. Глотая воду, обалдело оглядывая все углы пещеры, японец заметил отсутствие четвертого человека. С диким воплем он сорвался с цыновки, помчался наверх и в страхе отступил. Он едва не столкнулся с Бакутой. Боцман медленно спускался вниз. Отбросив обезумевшего японца, боцман грузно сошел по ступеням и, совершенно ошеломленный, сел рядом с Головиным.

— Что бы это могло быть? — еле шевеля губами, спросил он. — Александр Павлович, — прошептал он, схватив штурмана за руки, — объясните мне, в своем ли я уме? То, что я видел, поразительнее самых диковинных легенд. Или... или... все это мне померещилось?..

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Что видел Бакута

Бакута мотнул головой, точно прогоняя навязчивые мысли. Через минуту, собравшись с духом, он хотел уже рассказать Головину о том, что видел, но, заслышав шаги, замолчал. Японец-часовой, держась за голову, возвращался за своей винтовкой. При слабом желтом свете масляной лампы моряки заметили, что часовой не совсем еще очнулся от сокрушительного удара боцмана. Шатаясь, еле переступая ногами, бледный от боли и злости, но помня о своем долге, японец нагнулся, чтобы взять оружие. Одним прыжком Андрей очутился возле него, выхватил винтовку и отбежал в угол. Тогда часовой в бешенстве подскочил к Андрею и замахнулся ножом. Но между ним и матросом очутилась Нина. Одно порывистое движение — и японец рухнул на камни.

Пораженный штурман направился к девушке.

— Осторожней, вы убьете его!..

— Не подходите! — угрожающе крикнула Нина.

Головин невольно был принужден отступить. Не веря своим глазам, он смотрел на Нину, впервые видя ее в подобном состоянии. Она дрожала от гнева. Часовой лежал на спине, выронив нож, и с ужасом смотрел в лицо девушке.

Бакута моментально оживился.

— Штурман, — загремел он, потрясая кулаками, — вы только не препятствуйте, мы всю их лавочку разнесем!

— С нами обращаются, как с пленными, — задумчиво проговорил Головин. — Мы вправе протестовать.

— Что касается прав, — рассудил Бакута, — вам стоит только приказать, и я из него последний дух

вытрясу. Я полагаю, Александр Павлович, — угрожающе глядя на часового, добавил он, — тех, кто лишает воли советских моряков, нужно уничтожить и...

— Как вы думаете, — спросил Головин, — он уже сообщил?

— Когда же он мог успеть? — убежденно возразил боцман. — После удара Бакуты человек теряет соображение по крайней мере на два часа.

— Успокойтесь, — сказал штурман. — Андрей и Нина останутся здесь, — приказал он, — и задержат часового до нашего возвращения. Не будем терять времени. идемте.

Прохладный ночной воздух повеял в лицо. Штурман увидел звезды, тонкий серп луны и голые камни.

В темноте и тишине слышались только шаги Бакуты. Боцман торопился и то и дело оглядывался. Инстинктивно следуя его примеру, Головин озирался по сторонам. Кругом были лишь одни камни. На острове не чувствовалось присутствия людей.

— Что вы хотите мне показать? — спросил Головин.

Бакута остановился.

— Может, мне... на самом деле показалось...

— Расскажите. Я жду.

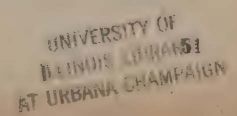
Боцман растерянно забормотал:

— Тридцать восемь лет плаваю... Каких только диковин не наслышался... Чего только не навидался... Но...

— Исчезновение часового будет немедленно обнаружено, — строго напомнил штурман. — Мы теряем время...

— В таком случае, — рванулся боцман, — идемте скорее, и если я еще в своем уме, то вы сами все увидите.

Впереди блеснули воды океана, и спустя две минуты моряки взобрались на вершину скалы, стоявшей над самой водой.

— Глядите вниз!

Бакута предостерегающе взял штурмана за руку, и оба они замерли от того, что представилось их глазам. Схватившись за руки, они безмолвно опустились на колени и, припав к земле, свесив головы, стали смотреть вниз.

В глубине океана пылали дрожащие фиолетовые огни. Прозрачный, словно стеклянный, купол прикрывал пропасть, освещенную странными прожекторами. На дне, среди причудливых металлических сооружений, сновало множество людей.

Люди на дне океана! С высоты нельзя было различить, чем они заняты. Но люди, живые люди в призрачном свете прожекторов передвигались из конца в конец хрустального подводного здания.

Поразительное, фантастическое зрелище наблюдал онемевший от изумления штурман. Люди под водой казались сказочными гномами среди блестящих колонн, поддерживающих купол. Между колоннами висели легкие плетеные мосты. И еще глубже, уже в темноте, еле заметные, полуосвещенные фигуры несли на плечах какие-то тяжелые предметы, по форме похожие на рыб.

Головин и Бакута были так ошеломлены всем увиденным, что не услышали шагов, раздавшихся у них за спиной.

— Напрасно вы, господа, поторопились.

Эти слова на чистом русском языке внезапно произнес над ними знакомый голос. Поднявшись, Головин увидел возле себя европейца.

. . . .

Дальнейшие события развивались молниеносно. Штурмана и Бакуту окружил отряд из десяти вооруженных винтовками японцев. Повинуясь Головину, боцман сдержал себя и подчинился приказу начальника конвоя. Пленников повели обратно к пещере. У входа

в подземелье, закованные в стальные наручники, стояли Нина и Андрей. Двенадцать солдат, одетых в белые просторные костюмы, составляли конвой. На рукавах кителей японцев чернели нашивки с круглыми знаками солнца. И когда вспыхнули карманные электрические фонари, Головин заметил, что круги на нашивках конвоиров были синего цвета.

Посовещавшись с японцем, начальником конвоя, европеец сделал знак страже, и отряд тронулся в путь. За поворотом, невдалеке от пещеры, пленников ввели под каменные своды тоннеля, откуда начинался спуск под землю. Спустя пять минут моряков остановили и на головы им надели маски с кислородными приборами. Спускаясь по сводчатому тоннелю, штурман почувствовал дуновение потока воздуха. Около десяти минут длился спуск, и наконец кто-то снял с него маску.

Узкий каменный проход. Японцы расступились, и Головин с товарищами, сделав шаг, остановились перед черной металлической стеной.

Протяжный гул слышался по ту сторону стены, где-то визжало и грохотало железо.

— Нам придется немного обождать, — сказал европеец Головину. — Имеете какие-либо вопросы?

— Вы знаете русский язык? — находясь еще под впечатлением виденного, спросил Головин. — Зачем же до сих пор вы это скрывали?

— Разумеется, знаю, — с холодной наглостью ответил человек, которого Головин со дня прибытия на остров принимал за англичанина. — Помимо русского, я еще владею французским, шведским и румынским языками.

— Нас ни в какой степени не интересуют ваши познания, — резко перебил его штурман. — Я требую исключительно...

— Требовать вы не смеете. Вы можете только просить...

— Учитываете ли вы то, что мы граждане Союза Советских Социалистических Республик? Вам не может быть неизвестна ответственность...

— Господин штурман, — с улыбкой пожал плечами островитянин, — вы, очевидно, недостаточно ясно представляете себе, где вы находитесь и какова ваша участь.

— Именно этого я и добиваюсь.

— Повторяю, вы ничего не смеете добиваться! Вы должны повиноваться и молчать.

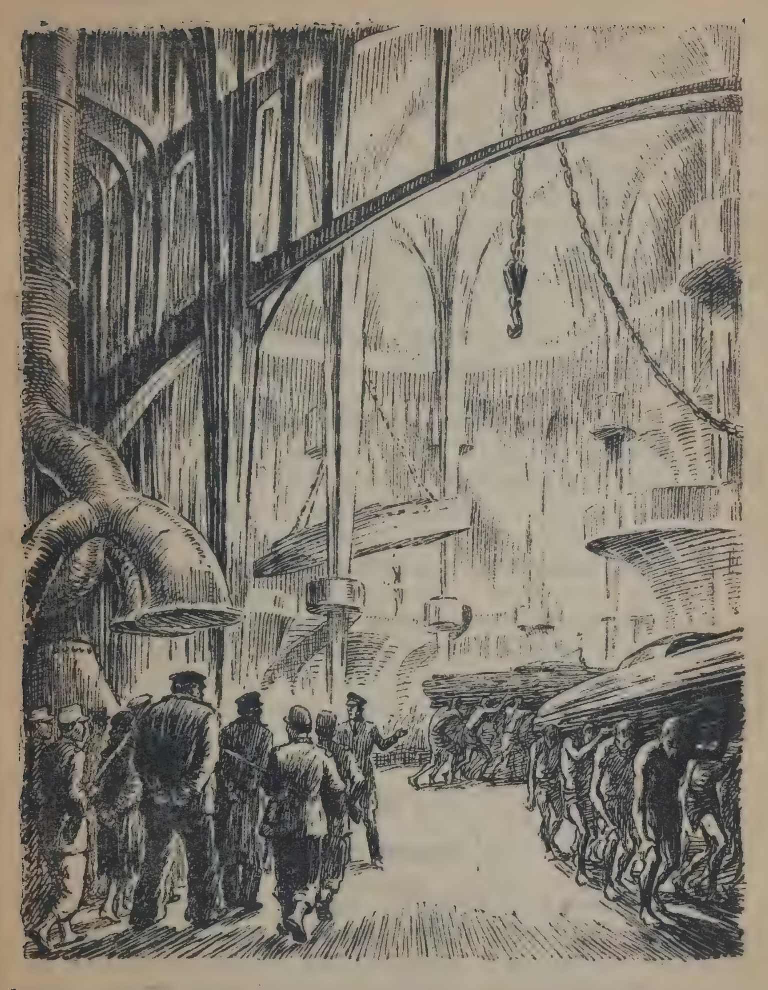
Гул оборвался, и тотчас стена бесшумно раздвинулась. Моряки, сопровождаемые конвоем, вошли в отверстие, стена опять замкнулась, и они очутились в глубокой темноте. Не прошло минуты, как раскрылась вторая стена, и в глаза штурмана ударил пронзительный сиреневый свет.

— Никогда, — выступая вперед, сказал европеец, — знайте, никогда вы не уйдете отсюда!

Но штурман уже ничего не слышал.

Ослепленный яркими прожекторами, он увидел смутные очертания огромного здания, похожего на ангар дирижабля. Но вот глаза освоились со светом, и, отчетливо различая окружающее, он заметил прозрачные столбы, виденные им раньше на дне океана.

Медленные равномерные шаги раздались рядом, и вскоре появились люди. Страшный вид имели эти существа, шагавшие под наблюдением японцев, одетых в точно такую же белую форму со знаками синего солнца, как и сопровождавшие моряков конвоиры. Седые, желтые, как мертвецы, корейцы с закрытыми глазами, с высохшими, бессильно повисшими руками, согнувшись, брели вереницей, поддерживая плечами миниатюрные голубые подводные лодки. Казалось, сквозь их тела

Седые, желтые, как мертвецы, корейцы с закрытыми глазами... брели вереницей, поддерживая плечами миниатюрные голубые подводные лодки.

просвечивают лучи прожекторов; их тощие, искривленные, жилистые ноги тряслись при каждом движении.

Тонкие столбы поднимались ввысь. Под искрящимся от сверкания прожекторов куполом, как балконы, выступали металлические площадки с круглыми застекленными кабинами. С купола опускались стальные тросы, и на блоках висели торпедные катеры. Окидывая взглядом необыкновенный ангар, Головин уже успел рассмотреть причудливо переплетенные золотистые гудящие трубы. Нетрудно было понять, что эти трубы служат для вентиляции. И опять, чуть слышно ступая босыми ногами, мимо прошли возвращавшиеся корейцы.

— Достаточно. Следуйте за мной! — скомандовал европеец.

С уходом последних корейцев раздались заунывные звуки сирены, погасли прожекторы, и друзья продолжали свой печальный путь во тьме.

Но что за остров? Не фантастический ли сон — подводный мир, огни на дне и люди со знаками синего солнца? Кто превратил в пленников штурмана Головина и трех его товарищей? Но если речь зашла о фантастике, мы обратимся к некоторым документам. Как и прежде, придется вспомнить газетные телеграммы, которые прекрасно помогут нам разъяснить, куда и к кому попали моряки с погибшего парохода после долгих скитаний по Тихому океану.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

У черной скалы

Две короткие корреспонденции, одна из Шанхая, другая из Виктории (Британская Колумбия), опубликованные множеством европейских и американских газет, имеют самое близкое отношение к нашему рассказу.

Шанхайская телеграмма фигурировала в газетах под заголовком «Бесследное исчезновение двухсот корейцев». Вот ее текст:

«Потрясающая нищета корейских крестьян известна всему миру. «Шункью» — это слово, которое вы слышите в Корее на каждом шагу, означает «весеннее страдание». Свыше шести миллионов крестьян в течение весеннего периода, с марта до июня, переживают ужасающую голодовку. Когда наступает время шункью, несчастные питаются травой, кореньями и корой деревьев.

С недавних пор в отдаленных корейских селениях появились чужестранные вербовщики. В большинстве случаев это были японцы, которые, внезапно появляясь в глуши, в голодающих деревнях, увозили десятки крестьян и рыбаков. Обращает на себя внимание тот факт, что таинственные агенты, вербуя молодых мужчин, выбирали исключительно тех, кто не имеет родни. Таким образом, никому не известно, куда исчезли двести корейцев. До сих пор никто из них не вернулся на родину. Бесследное исчезновение их вызвало во многих селениях волнения и тревогу».

Вторая заметка называлась «Ночной мираж» и содержала интервью с капитаном канадского гидрографического судна «Наяда», возвратившегося из трехмесячного плавания в Тихом океане.

«Однажды во время сильного шторма, — заявил капитан, — вынужденный сойти с курса и лечь в дрейф, я ожидал прояснения погоды, чтобы точней определить местонахождение судна. К ночи шторм затих, наступило прояснение, и вдруг на расстоянии трех миль мы заметили в темноте необычайное сияние. Звезды помогли нам определиться, и я установил, что мы находимся на северо-востоке от американского острова Мидуэй. Загадочный свет то вспыхивал, то угасал, и на фоне его вырисовывалась небольшая наклонная черная скала.

Я тотчас же узнал этот безжизненный, никем не заселенный безыменный островок вулканического происхождения. Он окружен рифами, опасными банками[1], и ни одно судно не подходит к нему на близкое расстояние. Тем более меня заинтересовало непонятное явление. Дождавшись утра, я лично с двумя матросами на катере поплыл к острову, и каково же было наше изумление, когда мы никого не застали среди мрачных растрескавшихся камней. В пять минут мы обошли весь остров. В пещере, очевидно вырытой первыми исследователями, мы не нашли человеческих следов. Я бы отрекся от виденного, — добавил капитан, — если бы вместе со мной ночной мираж не наблюдали и остальные участники экспедиции».

Покончив с газетными заметками, мы вернемся к нашим друзьям...

Они провели эту ночь без сна. Глиняная масляная плошка уныло освещала железные стены и четыре брезентовые койки.

Заунывный вой сирены заставил их предположить, что наступило утро. И они не ошиблись. Раскрылась дверь, и вошел известный уже нам островитянин с электрическим фонарем.

Закурив сигарету, европеец уселся на койку и как ни в чем не бывало спросил:

— Имеются вопросы?

— Они вам известны, — угрюмо напомнил штурман. — Мы ждем!

— В таком случае, — заявил европеец, — будьте внимательны. Надеюсь, вы не пожалуетесь на скуку. Итак, начнем с описания прекрасного тропического утра. Хотя... это может случиться днем, вечером и ночью или в шторм и ураган. Но утро куда эффектней.

---

[1] Банка (морское) — подводный камень.

Солнце встает над океаном. Голубой воздух и зеркальная синева. Плывет величественная эскадра военных кораблей. Чудовищные авианосцы, быстрые крейсеры и миноносцы...

Возьмем для примера... предположим... что это американская эскадра. Величайший флот мира вышел из Сан-Диего, миновал цветущие берега Калифорнии и сейчас выходит в океан. Ослепительный свет, тишина, в тени под тентами отдыхают матросы, и вдруг... авианосец вздрагивает. Раздается взрыв, корабль резко кренится, из воды вырывается облако дыма — и корабль в огне. Тяжело покачнувшись, он переворачивается и идет на дно. Взрыв следует за взрывом, и все суда в дыме и пламени взлетают в воздух...

Отбросив папиросу, европеец с наглым смехом воскликнул:

— Согласитесь, что я не лишен литературных талантов! Что за прелестное зрелище! Голубой океан, далекие берега, где под жарким солнцем высятся пальмы... и вдруг огонь, чудовищные фонтаны воды, рвутся торпеды, раздаются крики обезумевших людей, корабли тонут, вспенился океан... расходятся гигантские круги — и снова спокоен океан, лишь на солнечной поверхности расплываются густые зловещие нефтяные пятна. Вдали зеленеют берега теперь уже беззащитной земли... Нет, я положительно превращаюсь в беллетриста!

Испытующе глядя в глаза Головину, европеец замолчал. Он наблюдал за впечатлением, какое произвели на штурмана его слова. Но Головин сохранял обычное для него безразличие. Выждав с минуту, рассказчик подсел ближе к штурману и уже другим, сухим, жестким, тоном продолжал:

— Таким образом, я вам все объяснил. Подумайте только, откуда возле американской эскадры могли появиться подводные лодки неприятеля, который, как это

несомненно произойдет в будущем, начнет войну внезапным натиском, без предупреждения? Догадываетесь? Если нет, я расскажу вам подробнее. Предположим, что где-то в самом центре Тихого океана находится тайная стратегическая база. Необитаемый, никому не нужный островок со скалой, а под ней, на дне, грандиозный подводный крейсер. Вы моряк, и если не видали подводных гигантов, то, во всяком случае, слыхали о них. Подводный крейсер, на борту которого находятся несколько сот человек. Он может лежать на дне годами. Время от времени в темные, безлунные ночи он всплывает на поверхность, пополняет запасы кислорода и заряжает аккумуляторы. Из далекого отечества к этому времени прибывают транспортные пароходы. Они завозят оборудование, продовольствие, и под покровом ночи все это перегружается в подземные пещеры острова. С потушенными огнями пароход отправляется обратно, а на следующий день он плывет по обычным путям, где движутся десятки пароходов, идущих из Японии, из Китая в Америку и на острова.

Итак, у необитаемого острова под черной скалой лежит грандиозный подводный крейсер «Крепость синего солнца». Нравится вам это название? «Крепость синего солнца» почти ничем не отличается от современных подводных крейсеров, он только немного больше их и опасен тем, что нашел себе превосходную точку. Но что за чудеса техники таятся в этой подводной крепости на дне океана! Крейсер лежит на каменистом грунте, едва прикасаясь к скале. С острова прорыт глубокий подземный ход, и крейсер соединен проходом с подземельем, по которому вы имели честь спуститься на дно. Когда крейсер готовится всплыть, отверстие подземного хода закрывается бронированной плитой; таким же образом закрывается ход в борту крейсера. Но нам еще предстоят грандиозные сооружения. Главный

подземный ход будет иметь несколько ответвлений для колоссальных хранилищ снарядов.

Крейсер называется «Крепость синего солнца». Но если бы это зависело от меня, я бы назвал его «Гибель Америки». В назначенный день, когда будет взорван Панамский канал и атлантический флот пойдет окружным путем мимо Южной Америки, у берегов Калифорнии тихоокеанская эскадра взлетит на воздух. Из бортов крейсера, как торпеды, вылетают подводные лодки. Начиненные взрывчатыми веществами, управляемые по радио, они несутся к ничего не подозревающему противнику, и чудесным солнечным утром наступает конец морскому могуществу Соединенных штатов!

Путь пароходов лежит в стороне. Лишь изредка мы видим на горизонте дым или сигнальные огни. В океане расположены звукоуловители и телевизоры, и мы за десять миль слышим и видим проходящие суда. Надеюсь, достаточно? Но вот вам еще одно из чудес техники: «Крепость синего солнца» имеет палубу из сплава, прозрачного, как стекло, и прочного, как металл. Но наша беда — у нас нехватает людей. Исключительных трудов и осторожности требует тайная вербовка и доставка сюда людей. Должен признаться, вы прибыли очень кстати...

— И вы хотите, — сказал Головин, — превратить нас в рабов?

— О нет! Добросовестная служба, полное подчинение, и после успешной войны в качестве награды вы получите...

— Нужно ли напоминать, что мы советские моряки?

— Что же из этого? Я тоже не азиат. Пользуюсь случаем, чтобы представиться: Рихард Алендорф, бывший командир подводной флотилии германского флота, ныне консультант...

— Сравнение по меньшей мере бессмысленное!

— Не будьте грубы. Оцените мое к вам, еще ничем не оправданное, расположение. Мы здесь единственные европейцы, и среди вас милая фрейлен. До свиданья. Обдумайте с друзьями, какая работа вас более устроит.

После этого европеец с наигранной церемонностью откланялся и, задержавшись в дверях, добавил:

— Откровенность моя, конечно, имеет основания. Я уже имел честь заверить вас, что вы никогда не уйдете отсюда.

Тысячи проклятий Бакуты понеслись ему вслед. Штурман насилу успокоил разбушевавшегося боцмана.

— Нам нужно подчиниться, — немного подумав, сказал штурман. — Во что бы то ни стало нам следует узнать здесь все входы и выходы. В этом наше спасение.

Прошли еще один день и одна ночь. Утром за дверьми раздался приглушенный вой сирены, послышались шаги, и на пороге появились угрюмые солдаты с мертвенными, зелеными лицами. Моряков повели через полутемные проходы в сырой тоннель, где при слабом свете угольной лампы безмолвные корейцы копали землю и кирками дробили камень. По обеим сторонам тоннеля сооружались погреба для хранения взрывчатых веществ. В сыром, душном воздухе, в полумраке люди двигались, как заведенные автоматы, а вдоль стен, с которых струились мутные ручьи, стояли часовые.

Бакуту и Андрея оставили в подземелье, Головина увели в ангар, откуда вчера корейцы выносили миниатюрные подводные лодки. Алендорф, желая снискать расположение штурмана, дал ему легкую работу. И Головин до поздней ночи вместе с японскими солдатами перевозил на аккумуляторной вагонетке баллоны с кислородом. Нину Алендорф привел в командирские каюты, расположенные под полупрозрачным куполом, и с холодной учтивостью заявил ей:

— Как это ни печально, но у нас нет ни одного человека, который бы не исполнял какой-либо работы. Поэтому, милая фрейлен, вам придется производить уборку кают и салонов.

Девушка, предупрежденная Головиным о необходимости подчиняться, ничего не ответив, тотчас принялась за уборку. За ней неотступно следовал часовой...

К ночи опять раздался звук сирены, и четверо друзей снова сошлись в железной камере.

...Пять дней моряки безмолвно трудились под неизменным присмотром часовых.

В конце пятого дня Бакута вернулся с работы крайне смущенный и раньше обычного торопливо улегся спать. Вскоре в каюту вбежал разъяренный Алендорф.

— Господин штурман, — взревел немец, — предостерегите вашего друга! При повторении — расстрел на месте!

И, с бешенством рванув дверь, Алендорф ушел.

— Что случилось, боцман? — спросил Головин. — Не думаю, чтобы вы хотели подвести товарищей.

Бакута не спал. Сконфуженно приподнявшись на койке и виновато опустив глаза, он пробормотал:

— Простите, Александр Павлович, я действительно, кажется, сплоховал...

— Говорите.

— Что говорить! Японец... какой-то офицер... двинул корейца ногой. Я не стерпел и... и... развернулся...

— Боцман, вы изувечили его?

— Н-нет, — нерешительно промолвил боцман, — кажется, не убил...

Штурман больше ни о чем не расспрашивал Бакуту. На некоторое время он погрузился в раздумье и затем решительно заявил:

— Кончено! Мы прекращаем работу.

На дне океана

(Отрывок из записей штурмана Головина)[1]

«...И мы объявили голодовку. Что оставалось нам делать? Сначала я безоговорочно соглашался работать, и больших трудов стоило мне уговорить товарищей быть выдержанными и подчиняться. Втайне я предполагал, что в эти дни мы ознакомимся с расположением крейсера и, когда в дальнейшем явится возможность бежать, используем наше знакомство с расположением ходов...

Это были бессмысленные надежды. Под неизменным пытливым присмотром часовых мы не в состоянии были что-либо увидеть. Одна лишь Нина имела кое-какие возможности передвижения, но из кают ее выводили с завязанными глазами.

Как автомат, я двигался на вагонетке из одного угла трюма в другой. Так проходили дни, так могли пройти годы. Что же оставалось нам делать? И я решился. Я сделал то, к чему, не сомневаюсь, с первой минуты стремились мои друзья и что следовало, не теряя времени, предпринять в первый же день нашего плена. И я предложил объявить голодовку. Верные мои друзья, точно они давно этого ждали, с готовностью согласились протестовать, и утром, когда прозвучала сирена, мы не вышли на работу и остались в каюте. Три дня мы голодали, и нас не тревожили, надеясь сломить наше упорство. Но мы были тверды и выбрасывали за дверь приносимые солдатом миски с рисом.

На четвертый день голодовки в каюту явился Алендорф.

---

[1] В самое ближайшее время мы разъясним, где и при каких обстоятельствах штурман сделал эти записи.

— Покончить с собой, — заявил он нам, — ваше право. Но в последний раз я прошу вас обратиться к рассудку.

Молчание было ему ответом. И мы приготовились к неизбежной смерти. Но вот что случилось следующим утром, когда мы, обессиленные, лежали на койках. Где-то далеко прозвучала ненавистная сирена, возвещая наступление нового дня. Я недвижимо лежал на койке, как вдруг моего плеча коснулась рука Бакуты. Боцман присел на край койки и, прильнув к моему уху, возбужденно прошептал:

— Сегодня я выйду на работу.

— Но ведь мы решили... — не веря своим ушам, сказал я. — Мы должны держаться до конца!

— Как хотите, — упорно повторил боцман, — но я выйду на работу.

Возможно ли! Бакута ослаб! Великан Бакута сдается! Мог ли я предположить, что боцман изменит друзьям? Я взглянул в его лицо и увидел ясные, спокойные глаза. Боцман повторил:

— Я бросаю голодовку и выхожу...

Я отказывался верить. Отодвинувшись от боцмана, я приподнялся, но он, не обратив внимания на это движение, уселся еще ближе ко мне и заговорил...»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Две ночи

Прижавшись губами к уху Головина, старый моряк говорил сбивчиво и торопливо. Как и всегда, он начал издалека:

— Сколько еще осталось до конца? Пять-шесть дней, и... мы умрем. Но, прежде чем наступит смерть, я пола-

гаю, Александр Павлович, мы должны показать себя. Возможно ли, чтобы советские моряки погибали, как черепахи! Нет, коли мы уж решились умереть, то я лично не так просто продам свою жизнь.

— Каковы же ваши намерения? — осведомился Головин. — Что должны мы, по-вашему, сделать?

— Много, очень много, — заторопился боцман. — Что вы думаете насчет такого плана?.. Выйдет или нет, но шум мы подымем на весь океан. Ночью к нам опять придет этот немец. Я валю его с ног, и, клянусь счастьем, он у меня без единого звука сыграет на палубу. В одну минуту вы надеваете его одежду — рост у вас почти одинаковый — и выходите за дверь. Знак часовому — и как только он подойдет к вам, я подкрадываюсь сзади, сшибаю его с ног и ловлю винтовку. С оружием мы шагаем в корейский кубрик. Та же картина со вторым часовым. Две винтовки у нас в руках. Как вам нравится мой план? — не в силах более сдержаться, едва не закричал боцман, но во-время спохватился и снова понизил голос до шопота: — В кубрике мы подымаем корейскую братию и двигаемся занимать весь этот пиратский притон! Каково?

— Не годится, — к величайшей горести боцмана, отвечал Головин. — Можете не сомневаться, у местного командования существуют тысячи мер на все подобные случаи.

— Отставить, — печально согласился боцман, не решаясь противоречить штурману. — Слушайте тогда другой план: с сегодняшнего дня мы соглашаемся приступить к работе, но... но только для того, чтобы войти к ним в доверие. Я стану работать, как вол. Устройте так, чтобы вас перевели в центральное отделение — туда, где воздухопроводы. В тоннеле я достану динамит. Выждем время, взорвем воздухопроводы, и наступит конец всему их аду!

Моряки еще долго шептались, обдумывая все мелочи этого плана, и когда после сигнала сирены в каюте появился Алендорф, штурман заявил:

— Прикажите накормить нас. Сегодня мы согласны приступить к работе.

Спустя два часа Головин в сопровождении конвоира, медленно передвигая ослабевшие ноги, направлялся в конец длинного коридора, где находился склад кислородных баллонов. Внезапно штурман почувствовал на себе чей-то упорный взгляд. Обернувшись, он в нескольких шагах от себя заметил молодого японца. Японец шел позади, придерживая кортик. Навстречу из-за угла выходил Алендорф.

— О-о-о! — кивнул он Головину. — Поздравляю с окончанием поста.

— Могу поздравить и вас, — с насмешливой учтивостью поклонился штурман. — Я убедился в том, что у вас превосходная охрана.

— Что вы хотите этим сказать? — заинтересовался немец. — Охрана вполне надежна.

— Однако, — вызывающе усмехнулся Головин, — по моим наблюдениям, следует сделать совершенно противоположные выводы.

— Из чего вы это заключили? Кажется, еще не было времени...

— Достаточно двух минут.

— Например?

— Полюбопытствуйте, кто стоит за моей спиной.

— Конвоир.

— А еще?

Вытянувшись на носках, Алендорф посмотрел через голову штурмана.

— Еще?.. Позади — караульный начальник.

— И он следит за солдатом?

Алендорф промолчал.

— Недостаточно одного вооруженного конвоира? — продолжал Головин.

— Господин Головин, — раздраженно отрезал немец, — вы злоупотребляете моим терпением!

— О, совсем нет! Я просто сообщил вам, из чего я делаю выводы о ненадежности охраны.

— Напрасно. Я не знаю, почему к вам так внимателен караульный начальник.

— Отчего же вы не решаетесь допустить меня в центральное отделение, где есть скудный, но естественный свет? У меня начинают болеть глаза.

— Хотите света? Пожалуйста. Примите это как награду за благоразумие. Но вы убедитесь, что оттуда бежать так же немыслимо...

— Бежать немыслимо, — серьезно подтвердил Головин, — вы правы. Но у меня болят глаза, и если вы можете устроить перевод, я буду очень признателен.

— Сейчас, — с готовностью отозвался Алендорф, немедленно отдавая короткое распоряжение конвоиру. — Как видите, — наставительно заметил он, — добром вы добьетесь многих преимуществ.

Итак, скорее, чем можно было надеяться, штурману удалось попасть туда, куда он стремился.

Мутный, переливчатый зеленый свет пробивался сквозь полупрозрачный купол, который, как недавно стало известно Головину, был палубой грандиозного подводного крейсера. В высоте проплывали огромные рыбы, и их легкие тени скользили по стенам. В зеленом зыбком свете сновали сгорбленные фигуры корейцев.

Штурман в этот день вместе с тремя солдатами занимался переноской баллонов с сжатым воздухом. Вечером, возвращаясь с работы, он опять, как и утром, ощутил на себе пристальный взгляд. Человек с кортиком следовал за Головиным по пятам...

...В каюте штурман застал возбужденного и чрезвычайно довольного собой Бакуту.

— Никто не может угнаться за мной! — весело сообщил боцман. — Десять японцев не могут сделать того, что делаю я один.

— Стараетесь? — горестно улыбнулся Головин. — Продолжайте. Так надо...

— И еще как стараюсь! Самое главное начальство пожаловало смотреть, как я крушу камень. Погодите несколько дней, и я стану первым человеком в тоннеле, а потом... Потом они навеки запомнят Бакуту...

. . . .

На исходе ночи штурман проснулся от легкого толчка. Очнувшись, он с удивлением увидел, что все его товарищи спят. Кто это мог быть? Алендорф? Но немец никогда не приходил ночью. Головин встал, прошелся по каюте.

Дверь была немного приотворена, и в каюте был кто-то посторонний.

Присмотревшись, Головин узнал караульного начальника.

— Молчание, — закрывая ладонью его рот, прошептал японец. — Я знаю, вы говорите по-английски. Слушайте меня. Послезавтра я приду за ответом.

Пораженный Головин схватил японца за руку. В нем проснулась надежда на спасение.

— Запомните: меня зовут Накамура, — промолвил японец. — Я не могу долго объясняться. Слушайте меня и ничего не спрашивайте. Я решил покончить с собой. Мне многое доверено, и в начале войны с повышением и наградой меня отправят на родину. Но я знаю: мой долг — пожертвовать жизнью и предотвратить кровавое преступление. Если вы также для этой цели решитесь на риск, нам, может быть, удастся оповестить мир о существовании тайной подводной базы, этого вулкана

войны на дне океана. Послезавтра я приду за ответом. Помните: меня зовут Накамура!

Проговорив все это взволнованной скороговоркой, японец выскользнул из каюты.

В ожидании назначенной ночи

(Из записей штурмана Головина)

«Кто он? Провокатор или спаситель?» мучительно раздумывал я по поводу ночного посещения японца. Но что за смысл испытывать нашу и без того известную ненависть? О, никогда не забыть этих дней ожидания!

На второй день моей работы в центральном отделении в крепости, вероятно, случилось какое-то происшествие. С мрачными, озабоченными лицами проходили мимо офицеры, делая друг другу тревожные знаки, и раньше обычного прозвучала сирена.

Когда я возвращался в каюту, угрюмый конвоир нервно торопил меня. И вдруг я услыхал ужасающие вопли из кубрика корейцев. Крики и плач слились в отчаянный вой. И за дверями каюты до глубокой ночи беспрестанно слышались возбужденные шаги. Наконец все стихло... Бакута спал, свесив с койки свою могучую руку. Прислушиваясь к дыханию друзей, я ждал... Придет ли тот, кто назвал себя Накамурой?..»

Выжидая условленного срока и боясь возможного разочарования, штурман скрыл от друзей ночное посещение Накамуры.

5 декабря, за полчаса до рассвета, как и в позапрошлую ночь, раскрылась дверь каюты, и перед Головиным предстал караульный начальник. Убедившись, что все, кроме штурмана, спят, японец приблизился к нему и чуть слышно произнес:

— Тише! Не будите товарищей! За мной!

Накамура крепко стиснул руку штурмана и, не давая ему возможности сопротивляться, увлек его за собой.

Пред ними открылся длинный, слабо освещенный коридор. Два поворота — и они остановились у железной стены. Огромная труба уходила вверх, и по бокам ее виднелись мраморные щиты с циферблатами, рычагами и штурвалами. Широкий брезент, раскинутый на полу, судя по очертаниям, прикрывал вытянувшиеся человеческие фигуры. Удушающий смрад тянулся из темноты.

— Мертвецы, — торопливо бросил Накамура. — Это участь всех, кто находится в «Крепости синего солнца». Но вы через пять минут будете дышать воздухом океана, увидите небо и солнце.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Побег

Накамура остановился и зажег карманный электрический фонарь. С лихорадочной быстротой он кинулся в угол и отвернул покрывало. Луч света скользнул по окостенелым ногам корейцев. Накамура тем временем отыскал — очевидно, накануне спрятанный им — мешок.

— Спешите, — прошептал он и, вытряхнув мешок, передал Головину легкий сверток. — Спасательный пояс!

После того как штурман повязался поясом, японец повесил ему на шею длинный плоский деревянный футляр.

— Ракетный пистолет, — отрывисто проговорил он. — На востоке движется пароход. Это точно известно. В океане еще темно. Вынырнув из воды, вы немедленно

раскроете футляр. Пистолет заряжен. С парохода увидят ракету...

— Но мои друзья, мои товарищи!..

— Невозможно! В аппарате помещается лишь один человек. К тому же через три минуты все станет известно командованию. Вахтенный в перископе увидит ракету... Они сразу узнают, кто помог вам бежать, и... сегодня Накамура перестанет жить.

— Накамура!

— Молчите! Возвращаться поздно. Немедленно, как только вас поднимут на пароход, не теряя ни секунды, расскажите обо всем капитану, и пусть он по радио сообщит миру о «Крепости синего солнца»!

С этими словами японец подошел к щиту и, пристальным взглядом уставившись на циферблаты приборов, рванул рычаг. В стене с отрывистым шипением раздвинулись массивные двери. Накамура направил фонарь в темноту прохода, и Головин увидел висевшую на стальных тросах цилиндрическую кабину.

— Прощайте! — Накамура обнял штурмана и подтолкнул его вперед. — Помните мое имя!

Головин очутился на дне темного железного колодца. По указанию японца, схватившись за тросы, он подтянулся на руках и через верхнее отверстие влез в кабину. Тотчас на канате опустилась тяжелая круглая крышка и захлопнулась над его головой. Как видит читатель, он не имел времени рассмотреть удивительное сооружение. Но мы восполним этот пробел короткой справкой из последних технических трудов о новейших гигантских подводных кораблях.

«Спасательным лифтом» называется изобретение итальянского инженера Россини, давно переставшее быть секретом. В случае аварии подводного судна «лифт» служит одним из лучших способов спасения команды. Небольшой металлический цилиндр вмещает

— Прощайте! — Накамура обнял штурмана и подтолкнул его вперед. — Помните мое имя!

одного человека. Сравнительно легкий аппарат наглухо закрывается, и та часть подводного судна, где он находился, затопляется. Сквозь открытый люк аппарат мигом всплывает на поверхность. Крышка отворяется, человек отплывает в сторону, а опустевший «лифт» стальными тросами втягивается обратно в подводный корабль.

Властители «Крепости синего солнца» по-своему использовали изобретение России, и теперь в узкой кабине стоял штурман Головин.

В тишине он услыхал, как снова зашипел сжатый воздух: то замкнулись двери камеры. Еще секунда — и с грохочущим шумом с высоты ринулись потоки воды. Удары ее потрясали стальную кабину. И вдруг штурман почувствовал, что он летит. Мгновение... Лязгнул металл, крышка сорвалась, и его выбросило на поверхность. Подхваченный волной, Головин увидел вдали на голубеющем небе дым парохода и сверкающие огни.

Нестерпимая, острая боль в ушах, непреодолимая спазма в горле, но перед глазами — огни, огни!..

Спасательный пояс держал его на воде. Теряя силы, зная, что ему еще долго нужно плыть, штурман вспомнил о ракетах. Он схватился за шею. Футляра не было. Обрывок ремня свисал на грудь.

. . . .

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Человек из океана

В дальнейшем все произошло так, как это было описано в некоторых американских газетах. Особенно подробно о событии 5 декабря сообщали газеты Сан-Франциско, откуда недавно ушел в плавание пароход «Президент».

На рассвете 5 декабря Фред Ирвинг, старший штурман американского парохода «Президент», совершавшего рейс Сан-Франциско—Шанхай, заканчивая ночную вахту, одиноко встречал восход солнца. С правого борта показались небольшой остров и синий силуэт скалы.

В этот момент взошло солнце, и в сверкающем океане Ирвинг внезапно заметил человеческое тело. Резким звонком машинного телеграфа штурман скомандовал «стоп», с парохода спустили катер и через двадцать минут неизвестного в бесчувственном состоянии доставили на пароход.

Два дня Ирвинг дежурил в каюте спасенного им человека. При заходе в Гонолулу несчастного, находившегося при смерти, сдали в морской госпиталь. Суеверный Ирвинг на память об этом случае сохранил его спасательный пояс.

В Гонолулу администрация госпиталя случайно выяснила национальность больного и передала его на советский пароход «Таджик». Во Владивостоке сразу установили личность Головина. Моряка отправили в Ленинградский психоневрологический институт. В Ленинграде его вылечили. Он стал говорить, восстановилась память, но в последние дни, накануне полного выздоровления, у врачей возникли тревожные подозрения. Штурман беспрерывно что-то писал. Заинтересовавшийся врач попросил у него рукопись и, прочтя ее, немедленно созвал консилиум. Вызванный на консилиум Головин самым подробным образом подтвердил все описанные им события, происшедшие после гибели парохода. Выслушав штурмана, врачи сошлись на том, что верна и правдоподобна лишь первая часть рассказа. После гибели «Звездочета», переименованного юной командой в «Звезду Советов», по мнению врачей, штурман испытал чрезвычайные потрясения. В шлюпке, занесенной ураганом в Тихий океан, Головин был сви-

детелем смерти десяти товарищей. Единственный оставшийся в живых, он в результате многих дней голода подвергся галлюцинациям, и все, что написано и рассказано им, не что иное, как болезненная фантазия.

Таково было решение консилиума. В определении врачей сказано было, что «Головина можно считать вполне излеченным, но он еще нуждается в длительном режиме и наблюдении до окончательного исчезновения психической травмы, признаком каковой является его убеждение в том, что он был в фантастической подводной крепости и что якобы там остались его друзья».

На неопределенное время штурману запретили плавание.

В пригородном санатории, где поселили Головина, он уже никому ничего не рассказывал.

Но вот, когда прошел еще месяц, штурман обратился к старшему врачу санатория с просьбой снова созвать консилиум.

На новом консилиуме Головин подтвердил всю первую часть своих приключений, но, к радости врачей, добавил:

— Я убедился, что все, прежде мною рассказанное, действительно плод галлюцинаций. Никакого острова, скалы и подводной крепости, конечно, не было. Сейчас я совершенно точно вспомнил: последним в шлюпке погиб боцман Бакута. Он был самым сильным из нас. И я остался один. Да, я подвергался припадкам...

С удовольствием врачи констатировали окончательное выздоровление Головина. С резолюцией консилиума он тотчас явился в Ленинградский торговый порт.

Для начала ему предложили отправиться в Сан-Франциско, где Наркомвод закупил несколько пароходов. Специальные команды советских моряков посылались тогда в Америку для привода закупленных судов.

Ранней весной 19... года, накануне отъезда Головина в Америку, я познакомился с ним в приемной Ленинградского порта. Посетители, дожидавшиеся своей очереди, с интересом рассматривали худощавого печального моряка. Особенно бросались в глаза седые волосы на его висках. Это казалось странным, так как грустное лицо его было еще совсем молодым и свежим.

Второй раз мы встретились с ним через девять дней в фойе Ленинградского оперного театра. Штурман Головин в новом парадном кителе ходил вдоль стены, рассматривая фотографии артистов и снимки новой постановки «Кармен». Он, повидимому, скучал в одиночестве и был искренне рад нашей встрече.

Разговаривая о музыке, мы гуляли в фойе, пока звонок не возвестил конца антракта. Головин быстро зашагал в зрительный зал, но вдруг, неожиданно обернувшись ко мне, спросил:

— Знаете ли вы что-либо о моем последнем плавании? Нет? Простите, я забыл, что мы недавно знакомы. Оно было несчастливым. Пароход мой погиб. В Тихом океане, у Гавайских островов, меня подобрали американцы. И теперь я опять отправляюсь в Тихий океан. Из Сан-Франциско мы поведем суда во Владивосток, через Гавайю... Я снова буду там!

И штурман, точно забыв об окружающих, застыв в какой-то странной задумчивости, перебирая пальцами бахрому портьеры, умолк.

В зале погасли люстры. Капельдинер, закрывая дверь, вежливо отстранил Головина. И тогда он, словно пробуждаясь, еще раз медленно промолвил:

— Я буду там... Я снова буду там!..

...Миновало полгода, и мы снова услыхали о приключениях Головина.

Морская тайна раскрылась во время второго путешествия штурмана по Тихому океану.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

У развалин испанских замков

Колон, находящийся в Центральной Америке тропический порт, называют «городом двух океанов». В Колоне начинается знаменитый Панамский канал, через который пароходы из Атлантики попадают в Тихий океан.

Однажды майским утром в Колон прибыл трансокеанский пароход «Гайавата», совершавший рейс Лондон—Сан-Франциско. Когда показались пальмы бухты Лимон и на мачте подняли американский флаг, с берега навстречу «Гайавате» вышел голубой катер. Не более чем через пять минут он развернулся у самого носа корабля, и на ходу по сброшенному с левого борта штормтрапу американский портовый чиновник ловко вскарабкался на пароход. Немедленно он поднялся к капитану и вручил ему узкий конверт. Катер умчался обратно. Капитан с явным неудовольствием несколько раз перечел присланное ему сообщение и, спустившись с мостика, объявил пассажирам неожиданное известие:

— Нам придется задержаться здесь по меньшей мере на двое суток. На вашем месте, — посоветовал он, — я бы сейчас же, воспользовавшись утренним временем, проехался в Панаму. Два часа пути — и вы в столице Панамской республики. Там есть любопытные памятники. В Колоне же абсолютно нечего делать. Жара и кабаки. Клянусь, это скучнейший из городов!

Бывалый капитан оказался прав. Колон, представляющий собой ворота величайшего канала, важнейший порт и стратегический пункт, — в сущности, небольшой провинциальный городок. Томительная жара не спадает здесь даже зимой, которая начинается в мае и кончается в октябре. Пустынно в тени пальмовых аллей и на

широких асфальтовых тротуарах. Густые звуки радиол несутся из полутемных табачных лавочек, магазинов и салонов. Заложив руки в карманы широких кофейного цвета штанов, уныло слоняются негры. Длинноволосый индеец, прислонившись к ограде сквера, сидит над связкой бананов и ананасов; от нечего делать он щекочет разомлевшую обезьяну. На перекрестках у пестрых щитов с лотерейными билетами продавцы, провожая прохожих вялыми, сонными взглядами, еле шевеля губами, невнятно бормочут:

— Остановитесь! Внимание, внимание... Вы проходите мимо счастья!..

У края тротуаров, как заснувшие животные, нескончаемой вереницей стоят прокатные автомобили. Скучающий великан-полисмен, сложив на груди руки и расставив ноги, с неподвижным корпусом, медленно поворачивает голову из стороны в сторону. С мрачной подозрительностью он глядит вслед старинному «серебряному» автобусу. Презрительной кличкой «серебряные» местные американцы с давних пор окрестили негров. На строительстве Панамского канала, где погибли десятки тысяч негров, они получали свой скудный заработок серебром. Для негров здесь отведены специальные «серебряные» магазины, автобусы и места в кино. На почте и в других общественных учреждениях над окошками и столами вывешены предупредительные надписи: «Для серебряных», «Для золотых».

Однако стоило ли так подробно описывать городок, насчитывающий не более двадцати тысяч жителей, тем более что любезный капитан уже предупредил своих пассажиров о том, что их ожидает на берегу?

Сойдя с парохода, один из иностранцев, прибывших на «Гайавате», миновал крикливую негритянскую биржу, вышел из порта и с недоумением остановился на площади Кристобаль. Против ожидания, площадь кипе-

ла. По тротуарам с озабоченными лицами сновали возбужденные люди. Сгорбленные, задыхающиеся носильщики, обвешанные свертками, картонками и тюками материй, бежали за торопливыми женщинами. На перекрестке столпились гудящие автомобили, и в гуще сверкающих разноцветных лакированных машин застрял смешной и нелепый фаэтон, запряженный парой коней с султанами на головах. В магазинах спешно разукрашивались витрины. У дверей ресторанов и баров устанавливали пестрые рекламы; с пронзительными криками метались газетчики. Словом, все здесь напоминало канун праздника. Иностранец недоуменно осмотрелся, кивнул шоферу прокатного автомобиля, поехал на вокзал и, накупив на дорогу газет, отправился в Панаму.

В просторном и длинном пульмановском вагоне с сиденьями из плетеной соломы было лишь несколько человек. Как только поезд тронулся, они погрузились в дремоту, роняя на пол толстые иллюстрированные дорожные журналы. Из окон сразу же открылся вид на Панамский канал. Прильнув к окну, иностранец с интересом наблюдал поразительное зрелище. По бетонным набережным канала ползли мощные электрические тягачи. На стальных тросах они тащили за собой величественные крейсеры, и суда, проплывая шлюзы, как бы поднимались и опускались по гигантской лестнице. В то время как один крейсер входил в шлюз с убывающей водой и на глазах опускался все ниже и ниже, другой, следовавший за ним корабль плыл высоко над его трубами и мачтами.

С левой стороны вагона мимо окон тянулись неподвижные болота и леса, сквозь заросли пальм виднелись поднятые на столбах туземные хижины с лохматыми соломенными крышами.

Около двух часов продолжалась поездка в Панаму. Одинокий путешественник за это время перечитал мно-

жество газет и во всех подробностях узнал о событии, которое так взбудоражило маленький Колон.

По сообщениям газет, после долгих лет плавания в Тихом океане военный флот США сегодня в полном составе прибывал в Панаму. Канал должны пройти сто тридцать кораблей, и Колон лихорадочно готовился принять сорок четыре тысячи матросов и три тысячи семьсот офицеров. Газеты заранее подсчитывали, сколько тысяч долларов смогут оставить матросы и офицеры в Колоне; затем следовали заметки и статьи политического характера. Переход флота в Атлантический океан расценивался как «дружеский жест по отношению к Японии». Наряду с этим публиковалась телеграмма из Токио, излагающая точку зрения газеты «Ници-Ници».

«Временный отвод флота США из Тихого океана, — утверждала «Ници-Ници», — предпринят, чтобы выяснить, сколько времени потребуется для быстрого перевода атлантического американского флота в Тихий океан. Поэтому происходящий отвод флота отнюдь не следует считать дружественным жестом. Флот, — с раздражением указывалось далее, — вернется в Тихий океан, имея в своем составе пять новых крейсеров водоизмещением в десять тысяч тонн каждый, много быстроходных танкеров и т. п.».

В Панаме иностранец с «Гайаваты» за один час объехал однообразные улицы, осмотрел дворец Управления канала, памятники, колледж и соборы — словом, сделал все, что могло помочь ему убить время.

— Иностранцы обычно ездят к испанским развалинам, сэр, — предложил шофер. — Три доллара, сэр. Развалинам двести пятьдесят лет, сэр.

Путешественник молчаливо согласился, и через двадцать минут автомобиль подвез его к берегу океана, где среди вековых деревьев чернели мрачные руины. Как раз напротив развалин находился придорожный ресто-

ран. На веранде, под пестрым тентом, за столиком сидел коренастый американец. Видимо скучая, он с интересом взглянул на приехавшего иностранца. В следующую секунду американец вздрогнул, отстранил рукой бокал, точно тот мешал ему смотреть, и, пораженный, откинулся в кресле. Путешественник между тем, хотя и заметил странное впечатление, какое он произвел на незнакомого ему человека, направился к развалинам и по глухой тропинке вошел в прохладный, сырой тропический лес. Черные, задымленные арки, разбитые, осыпавшиеся стены собора, покосившиеся башни замков заросли травой, и сухие лианы сплетались над мертвыми памятниками старинной славы Испании.

В тишине послышались грузные шаги. Из-под камней вспорхнула испуганная птица. Между деревьями промелькнула фигура американца. С нетерпеливым ворчанием он перелезал через камни, направляясь к нашему путешественнику, но тот, закончив осмотр, по другой тропинке вышел на шоссе к своему автомобилю.

— Постойте! — раздался крик из лесной чащи. — Куда вы мчитесь? Я из-за вас изорвал свой лучший пиджак. Проклятые лианы!

Задыхаясь, обмахиваясь шляпой, незнакомец с трудом добрался до автомобиля и отрывисто, от бега или волнения, промолвил:

— Стойте! Обождите одну секунду! Скажите... вы иностранец?

— Нетрудно угадать, — с улыбкой ответил путешественник, указывая на свой зимний костюм. — Что вам угодно?

— Скорей, скорей отвечайте!.. Вы русский?

— Да... Я из СССР.

— Русский моряк!.. О-о, так всмотритесь же в меня! Не узнаете? Прощаю, прощаю, — радостно замахал

— Постойте! — раздался крик из лесной чащи. — Куда вы мчитесь?

руками американец. — Обнимите же меня, чорт вас возьми, дорогой мой!

— Очевидно, это ошибка... — попробовал протестовать путешественник.

Но незнакомец схватил его руки и ликующе топнул ногой:

— Нет, нет, не возражайте и скорей обнимите меня! Вы русский штурман Головин с погибшего советского парохода!

— Откуда вам это известно? — поразился тот. — Готов поклясться, что вижу вас первый раз в жизни.

— Не смейте! — в восторге захохотал незнакомец. — О, как я рад видеть вас таким крепышом!

— Рад познакомиться...

— Какое там к дьяволу знакомство! Неужели вы не догадываетесь, кто я?

— Нет, — искренне признался Головин. Он в самом деле впервые видел этого человека.

— В таком случае, вы через секунду раскаетесь.

Пораженный штурман продолжал недоумевать. Удивительная встреча породила в нем беспокойство. Но не случись этой встречи на Панамском шоссе, вряд ли нам пришлось бы продолжать историю, которая, как в этом убедится читатель, полна поразительных приключений.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Счастье Фреда Ирвинга

(Из записей штурмана Головина)

«... — Неужели вам не рассказывали, кто вас спас, — спросил американец, — и не назвали имени?..

— Пароход «Президент». Штурман Ирвинг...

— Стоп. Достаточно. Штурман Фред Ирвинг — это я.

И через минуту мы, как старые друзья, хлопали

друг друга по спине. Вечером, когда мы возвращались в Панаму, всю дорогу Ирвинг твердил:

— Мистер Головин, вы принесли мне счастье!

— Помилуйте, — протестовал я, — скорее я обязан...

— Молчите! — с горячностью отвечал американец. — Вы принесли мне счастье.

И я услышал следующий рассказ о «счастье» Фреда Ирвинга.

— Штурман, молчать! — шутя скомандовал он, начиная рассказывать. — Перед вами капитан. Капитан «Юпитера», грузового парохода в семнадцать тысяч тонн водоизмещением. Да, да, вы принесли мне счастье. В тот день, когда «Президент» выгрузил вас в Гонолулу и без признаков жизни сдал в морской госпиталь, я, как драгоценный амулет, спрятал в каюте снятый с вас спасательный пояс. Надо мною смеялись, называли суеверным. Но про себя я думал: чем такой пояс хуже веревки повешенного? И что же? Я оказался прав. Не позже чем через месяц ваш пояс принес мне счастье. Молчать! Не возражать! Говорит капитан. Газеты Сан-Франциско напечатали мои радиограммы о сенсационной находке в океане, поместили мой портрет, и... газету прочел друг моего покойного отца мистер Голдинг. Он меня помнил ребенком, ему шестьдесят восемь лет, и он стоит двенадцать миллионов долларов. Мистер Голдинг — директор акционерного общества пароходной компании «Новая Англия». Мог ли я знать, что человек, который держал меня на коленях, сейчас один из властителей судеб бедных моряков?! Мистер Голдинг прочел про меня, узнал, где я нахожусь, и по возвращении в Сан-Франциско вызвал меня к себе. Шесть лет я бесцельно хранил истершийся капитанский диплом. Мистер Голдинг сказал одно слово, и меня назначили капитаном «Юпитера». Отныне, покуда мистер Голдинг жив, я могу не заботиться о своей судьбе.

Так безумолку всю дорогу болтал добродушный американец. По приезде в Панаму я на ночь снял номер в отеле «Ричмонд». Ирвинг сообщил мне, что его пароход стоит в Панаме и завтра вечером отбывает в Сан-Франциско. Какая удача! Не задумываясь, я принял предложение Ирвинга плыть с ним на его «Юпитере». Мы протелефонировали в Колон, чтобы к утру мне доставили чемодан с «Гайаваты».

На следующий день, в девятом часу утра, я брился, когда в дверь номера постучался коридорный бой[1].

— В вестибюле, — сообщил он, — вас ожидает господин... Он просит принять его. Что ответить?

Думая, что это Ирвинг, я попросил немедленно провести его в номер. Послышались шаги. Я обернулся. Но это был не Ирвинг!»

. . . .

В комнату Головина вошел японец в белом костюме. С низким поклоном пришедший извинился за ранний визит и предложил штурману, не стесняясь, продолжать свой туалет. Большим желтым шелковым платком гость вытер скуластое лицо, без приглашения сел за стол и бесцеремонно, с наглой пытливостью принялся разглядывать Головина. «Вероятно, местный комиссионер», подумал штурман.

— Чем обязан? — извинившись и спеша закончить бритье, спросил моряк. — Чем могу служить?

— Не беспокойтесь, я задержу вас не более чем на пять минут, — предупредил гость. — Можете продолжать бритье. Я корреспондент «Ассошиэйтед пресс». Я хочу узнать у вас некоторые детали вашего чудесного спасения и счастливой встречи с мистером Ирвингом.

— Откуда вам это известно? — удивился Головин. — Я только вчера приехал в Панаму.

[1] Бой (англ.) — мальчик.

— О да, вы еще не читали газет! В сегодняшней «Америкен» напечатан превосходный рассказ Ирвинга о вашей замечательной встрече. Итак, начнем. — И, точно не замечая недоумения штурмана, корреспондент вынул блокнот. — Расскажите, в каком состоянии вас нашел «Президент», а главное, что произошло с вами в последние дни перед тем, как пароход подобрал вас в океане. Припомните мельчайшие подробности — это очень, очень интересно.

— Вряд ли, — сдержанно заявил Головин, — моя личность представляет интерес для прессы. Должен признаться, мне непонятен поступок Ирвинга. Правда, я мало знаком с американскими обычаями, но я сочту более уместным воздержаться от интервью.

— Напрасно, сэр. Вы должны считаться с нашими традициями. Поверьте, я не знаю человека в Америке, который бы отказался от рекламы.

— Тем более, — категорически возразил Головин, — что я не нахожу смысла...

— Помилуйте, что тут дурного? — с гримасой пожал плечами журналист. — Все уже опубликовано, и я прошу лишь подробностей последних дней перед спасением. Верно ли то, что вы после того на некоторое время лишились памяти?

— Да, это правда, — надеясь таким образом прекратить разговор, ответил Головин. — Но, как видите, меня вылечили...

— И память восстановилась? — встрепенувшись, ухватился за последнюю фразу корреспондент. — Вы все вспомнили?

— Память вернулась...

— Однако что же все-таки было с вами накануне спасения?

— Стоит ли повторять, что я отказываюсь давать интервью! Надеюсь, вы поймете, как тяжело...

Но журналист, пропустив мимо ушей намек штурмана, со странным и даже некоторым нервным беспокойством перебил:

— Какие все-таки воспоминания сохранились у вас?

— Повторяю, — возмущенно заявил Головин, — меня поражает ваша настойчивость...

— Но я тоже позволю себе упрекнуть вас в нелюбезности. О, мы, кажется, начинаем ссориться, — пробуя принять шутливый тон, улыбнулся корреспондент. — Продолжим же нашу беседу. Шлюпка попала в Тихий океан. Не встречали ли вы каких-либо островов? Может быть, вам встретился, к примеру... необитаемый остров? Право, нет ничего интересней приключений моряка с погибшего корабля.

— Как вам известно,— сохраняя выдержку, объявил Головин, — меня подобрал «Президент», и больше никаких подробностей я сообщить вам не могу.

— Не можете или не хотите?

— Я хочу поскорей выйти на воздух. Кроме того, в городе у меня назначена встреча. Продолжая разговаривать с вами, я рискую опоздать.

— Еще одну секунду!

С этими словами журналист, раньше чем Головин мог ему воспрепятствовать, вынул из кармана миниатюрный фотоаппарат, щелкнул затвором и так же быстро удалился.

Раздосадованный штурман хотел было нагнать его, но в дверь опять постучали. Высокий американец с массивной тростью подмышкой появился в номере.

— Разрешите представиться, — протянул он визитную карточку. — Я корреспондент телеграфного агентства «Ассошиэйтед пресс».

— Происходит какое-то недоразумение, — прочитав визитную карточку, поразился Головин. — Только что от меня вышел корреспондент «Ассошиэйтед пресс».

— Прискорбная ошибка, мистер Головин. В Панаме я единственный корреспондент нашего телеграфного агентства. Это был самозванец. Скажите, по крайней мере, как выглядел обманувший вас авантюрист?

Узнав от Головина приметы и наружность незнакомца, журналист гневно поморщился:

— Могу вас заверить: на службе нашего агентства состоят одни лишь американцы. Но, может быть, вы сомневаетесь и в моей личности? Прошу вас. — И американец предъявил Головину удостоверение главной редакции агентства.

— Как угодно расценивайте мой отказ, — решительно сказал Головин, — но я не могу с вами беседовать.

— Не смею настаивать, — откланялся американец. — Мне нужно было всего десять строк...

Ночью на „Юпитере“

(Из записей штурмана Головина)

«В пять часов вечера я перебрался на «Юпитер», а в восемь мы вышли в Тихий океан.

В два часа ночи мы спустились в капитанскую каюту. Чувствуя в Ирвинге искреннего друга, я решил открыться ему и до рассвета рассказывал о «Крепости синего солнца».

Но, закончив рассказ, я раскаялся в поспешной откровенности. Ирвинг нахмурился, и непонятно было, какое впечатление произвел на него рассказ.

— Скажите честно, без обиняков, — потребовал я: — считаете ли вы действительностью то, что я рассказал вам, или принимаете это за фантазию? Я жду, капитан.

И мигом лицо Ирвинга преобразилось. О, мог ли я предполагать, что произойдет в результате нашей беседы и на что способен этот американец!..»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Штурман видит черную скалу

— Хотите знать, что я думаю? — встрепенувшись, спросил американец. — Хорошо! Сейчас я изложу на этот счет свою точку зрения... Но... вероятно, вас прежде всего интересует, верю ли я вашему рассказу? Знайте же, — торжественно, как для клятвы, поднял руку Ирвинг: — я верю вам, как верю себе.

— Признаться, я сомневался, — обрадовался Головин, — и мне хотелось бы знать, что убедило вас в правдивости этой истории, которую я бы сам принял за...

Ирвинг, как бы грозя невидимому противнику, стукнул кулаком по столу.

— Япония мечтает завоевать Великий океан. Это всем известно. Глупый старый мир молчит, а наше правительство делает дружественные жесты, которые могут захлестнуть петлю на нашей же шее. Филиппины, Гавайя, Панама кишат шпионами. Как ни протестуют газеты, мы разрешаем агентам страны «Восходящего солнца» селиться у нас. А между тем точно установлено: пятьдесят молодцов из тысяч и тысяч проживающих у нас японцев, которые под видом мелких торговцев шелком, зубных врачей и парикмахеров ютятся на островах и в Панаме, в один прекрасный день могут совершить прогулку с саквояжами подмышкой, взорвать шлюзы, плотину и разрушить Панамский канал. Флот окажется отрезанным от Тихого океана, и ему придется тащиться лишние восемь тысяч миль вокруг берегов Южной Америки. Наглость японцев потрясающа! Готовясь к войне, они выпускают десятки бредовых книг, описывающих, как они разгромят США и завоюют Дальний Восток Советского Союза. Каково американцу читать подлую брошюру, которая восхваляется япон-

ской военщиной и в которой описано, как без объявления войны японцы топят флагманский корабль эскадры и взрывают Панамский канал! И в предисловии к этой книге официальное правительственное лицо, не кто иной, как адмирал, командующий соединенной эскадрой, пишет:

«Я был бы весьма доволен иметь этого писателя своим начальником штаба» [1].

Ирвинг на мгновение остановился. Потом уже более мирным тоном добавил:

— Штурман, вы не раскаетесь в том, что открылись капитану Ирвингу!

В Сан-Франциско

(Из записей штурмана Головина)

«Он мне не объяснил своего плана, но я почувствовал, что Ирвинг способен на решительные действия, и я не ошибся.

Быстроходный «Юпитер» проплыл мимо Никарагуа, Гондураса и Мексиканских гор. На шестые сутки ночью пароход миновал огненное зарево Лос-Анжелоса, и на следующий вечер перед нами открылся знаменитый маяк в миллиард свечей, в сиянии которого потускнели звезды. На горизонте засияли переливчатые рекламы Сан-Франциско.

...Утром 12 мая в Сан-Франциско я явился к капитану Дементьеву, принимавшему последний караван

---

[1] Ирвинг имеет в виду нашумевшую книгу капитана запаса японского военного флота Киосукэ Фукунага «Записки о будущей японо-американской войне» и рекомендательное предисловие к книге командира соединенной эскадры адмирала Суэцугу Нобумбаса.

судов. Как оказалось, пароходы последней группы еще не были приняты комиссией.

— Не менее месяца нам придется отдыхать в Сан-Франциско, — сообщил мне Дементьев. — Располагайте вашим временем, у меня достаточно помощников. Советую нанять автомобиль и побывать в Калифорнии. Наши уже успели прокатиться в Лос-Анжелос и Холливуд. Изумительные дороги!

Но могли ли меня интересовать прогулки и небоскребы Сан-Франциско?

Заранее условившись с Ирвингом о месте свидания, я лихорадочно ждал назначенного срока и в восемь часов вечера входил в отель «Золотые ворота». Нетрудно понять мое неудовольствие, когда я в номере, кроме Ирвинга, застал еще постороннего человека».

. . . .

В гостиной жужжали электрические веера. В углу за миниатюрным золоченым столиком сидел тучный седой мужчина с неестественно выпуклыми глазами, лишенными какого бы то ни было выражения. Он словно дремал и, не поднимая глаз, чуть поклонившись, протянул Головину тяжелую руку.

— Знакомьтесь, — сказал Ирвинг. — Мистер Голдинг, председатель акционерного общества «Новая Англия».

— Очень рад, — безразлично еле пошевелил губами Голдинг, словно изнемогая от жары, хотя в номере было достаточно прохладно. — Капитан Фред Ирвинг, — тем же равнодушным, скучающим тоном промолвил он, — поставил меня в известность обо всем случившемся с вами. Я верю капитану Ирвингу...

Тяжело вздохнув, Голдинг умолк. Тягостное впечатление произвел этот человек на Головина. Зачем Ирвингу понадобилось посвящать его в их дело? По

всему было видно, что Голдинг ничего не способен понять, и Головину стало не по себе при мысли, что сейчас начнутся тягучие, бессмысленнейшие, бесцельные расспросы.

Моргая сонными веками, старик пробормотал еще несколько незначительных фраз и опять замолчал. Штурман, затаив досаду и выждав для приличия несколько минут, поднялся, чтобы уйти.

— Капитан Ирвинг извинит меня, — сказал он холодно, — но... мне совершенно непонятно, зачем капитану понадобилось беспокоить вас, мистер Голдинг, в то время как это дело касается исключительно меня одного.

— Ошибаетесь, — вяло промолвил Голдинг. — Если то, что вами рассказано, является истиной, разве одного вас касается существование тайной крепости, представляющей угрозу миру?

И Голдинг, слегка скосив рот, с лукавой улыбкой посмотрел на Ирвинга.

— Не правда ли, капитан, мы собрались сюда не для того, чтобы познакомиться и раскланяться? Я полагаю, что люди встречаются для дел, а всякое дело требует времени.

Ирвинг умоляющим жестом попросил Головина сесть. Глаза Голдинга закрылись, и голова опустилась еще ниже. Но вдруг старик встрепенулся, и взор его оживился.

— Мистер Головин, — с неожиданной энергией, быстро проговорил он, — я ничего не имею против того, чтобы капитан Ирвинг, отправляясь в очередной рейс в Панаму, на несколько суток отклонился от курса в сторону и обследовал указанный вами остров. Знаете ли вы, во сколько тысяч долларов нам обойдется подобное отклонение от курса и задержка судна?

— Капитан Ирвинг не посвящал меня в свои пла-

ны, — ответил Головин. — Нужно ли мне знать о расходах?

— Необходимо,— наставительно произнес Голдинг.— Не скрою: в случае обнаружения крепости наша компания получит солидную компенсацию за свое открытие. Я уж не говорю о рекламе. Мистер Головин, мне было бы интересно узнать: сколько вы хотите получить за этот рейс?

— Очевидно, мы не понимаем друг друга, — не скрывая возмущения, заявил штурман. — Капитану Ирвингу, знающему координаты места, где меня подобрал «Президент», лучше, чем мне, известно приблизительное местоположение острова. Помимо этого, вы сами изволили вспомнить об угрозе миру. Какие же тут могут быть разговоры о деньгах?

Голдинг был, видимо, доволен ответом Головина. Но все же, помолчав, он добавил:

— Мы несем известные расходы, совершая рейс. Если же окажется, что никакой подводной крепости не существует, а ваш рассказ, с позволения сказать...

— Дорогой мистер Голдинг, — робко заметил все время молчавший Ирвинг, — я ручаюсь за то, что штурман говорит истинную правду.

— Останемся каждый при своем мнении, — остановил капитана Голдинг. — Я предоставляю судно. Надеюсь, достаточно? Что же касается мистера Головина и его отказа от вознаграждения, могу ли я возражать? Когда вы намерены отбыть, кэп? [1]

— Погрузка с завтрашнего утра. Послезавтра, с вашего разрешения, я покину Сан-Франциско.

— Счастливого плавания, — тяжело вздохнув, произнес Голдинг. Он поднялся с кресла.

---

[1] Кэп (англ.) — сокращенно «капитан».

Медленно пройдя к дверям, он сбернулся к провожавшему его Ирвингу:

— Подумайте, капитан, у вас есть еще целый день. Я согласен. Но помните, Ирвинг: до этой минуты я доверял вам... Прикажите поставить в номер еще пару вентиляторов, у вас страшно жарко, Ирвинг.

. . . .

На рассвете 14 мая «Юпитер» отбыл из Сан-Франциско. На палубе между трубами, на подставках, прикрепленных к двум столбам, стоял блистающий медью водолазный бот.

В последнюю минуту перед отходом, когда матросы убирали трап, к пристани подкатил закрытый автомобиль. На один миг в окне его промелькнуло лицо японца, и автомобиль скрылся.

Мы опускаем описание рейса «Юпитера». Достаточно сказать, что при благоприятной погоде на четвертые сутки пароход достиг того места, где полгода назад «Президент» спас Головина. В два часа дня 18 мая в океане показались чуть заметный одинокий каменный остров и черная скала. Взволнованный штурман ни секунды не сомневался. Да, это была та самая скала, с вершины которой он вместе с боцманом Бакутой однажды видел огни и людей на дне океана.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

„Клянусь, это тот самый остров!“

Синий силуэт скалы! Штурман Головин, вцепившись в борт капитанского мостика, уже не замечал ничего другого и не слышал голоса Ирвинга, предлагавшего ему бинокль.

«Юпитер» замедлил ход.

— Стоп! — скомандовал Ирвинг в машинный рупор. — Судя по вашему виду, — тронул он за рукав Головина, — это и есть тот самый остров?

Штурман подавил волнение и решительно подтвердил:

— Нет сомнения. Это тот самый остров!

— Отлично, — кивнул Ирвинг и крикнул команде:— Спускать водолазный бот! Водолаз, моторист, три матроса и сигнальщик — со мной! Радисту непрерывно держать связь с Сан-Франциско. Немедленно передавать наши сигналы!

Взметая пену, легкий бот помчался к острову, и вскоре перед глазами штурмана проплыла нависшая над водой скала. С выключенным мотором развернувшийся бот пристал к берегу, и Головин первый соскочил на раскаленные гладкие камни.

«Что произойдет сейчас? — лихорадочно пробовал представить себе штурман. — Бакута, Нина, Андрей... Живы ли они? Что предпримут властители «Крепости синего солнца»?»

Штурман подбежал к скале. Ирвинг, сорвав с головы фуражку, последовал за ним...

Тишина. Схватив Ирвинга за руку, Головин взобрался на вершину скалы и не опустился, а упал на колени. Прильнув к земле, он стал смотреть вниз, в зеленую глубину океана.

Но в прозрачной глубине мелькали лишь серебристые рыбы.

Моряки долго лежали, надеясь увидеть в зеленой пропасти смутные очертания подводного корабля.

— Бот к скале! — поднимаясь на ноги и сложив рупором ладони, крикнул Ирвинг. — Не стоит смотреть, — догадываясь о переживаниях Головина, сказал он. — Так мы ничего не увидим. Сейчас, мой друг, все выяснится.

Внизу зашумел мотор, и бот подплыл к скале, на которой стоял, путаясь в догадках, Головин.

— Спустить водолаза, — приказал Ирвинг, — предварительно измерив глубину! Не сомневаюсь, — чуть слышно сказал он, — японцы владеют секретом маскировки. Но водолаз мигом все обнаружит!..

На корме бота два матроса одевали водолаза. Десять минут прошло в молчании, наконец сверкнул медный шлем. Ирвинг задумчиво сказал:

— Сейчас мы все узнаем.

Закружилось бесшумное колесо помпы. Водолаз, тяжело перекинув ноги за борт, спустился по трапу и погрузился в воду. И вот уже один глазастый шлем остался на поверхности. Потом блестящая металлическая голова исчезла, и на голубой воде вспыхнули и разлетелись пузыри.

— Глубина вымерена? — спросил Ирвинг, склонившись над скалой. — Какова глубина?

— Под скалой сорок шесть метров.

— На телефоне?

— Есть на телефоне! — откликнулся матрос, обеими руками прижавший трубку к ушам.

— Слышимость?

— Превосходная!

— Водолаз на грунте?

— Водолаз на грунте, — донес телефонист. — Какие будут распоряжения, капитан?

— Спросите: что видит водолаз?

Сгорбившись, телефонист прокричал в трубку вопрос капитана и тотчас ответил:

— Он говорит... водолаз говорит, что дно каменистое. Никаких растений, и водола...

— Он видит или предполагает? — раздраженно оборвал телефониста Ирвинг. — Поменьше фантазий! Какова видимость?

— Отличная, — сразу же ответили с бота. — Водолаз говорит, что видимость замечательная!

— Передайте: пусть пройдется по дну. Двигайтесь вместе с ним.

— Есть, капитан!

Отвернув голову, не глядя на Головина, Ирвинг, заложив руки за спину и покачиваясь на носках, неожиданно чужим, неузнаваемо жестким голосом спросил:

— Точно ли вы уверены, штурман, что мы попали на ваш остров, если эту груду булыжников можно величать островом?

— Ни секунды не сомневаюсь.

— Мистер Головин, — холодно предостерег капитан, — будьте внимательней. Осмотритесь. Я готов признать ошибку, так как эти камни могут быть похожи. Кто их различит...

— Нет, — поражаясь тону Ирвинга, возразил Головин, — это тот самый остров!

— Уважаемый мистер Головин, еще раз я советую вам тщательней определить это. Стоит ли мне напоминать вам, как неприятно будет мне обмануть моего друга Голдинга!

— Уважаемый мистер Ирвинг, не знаю, чем я вызвал недоверие. Но я клянусь вам, что остров...

— Клятвы не возвратят мне расположения Голдинга! — резко перебил капитан. — Что вы можете еще предложить в подтверждение?

— Идемте! — решительно и гневно сказал Головин. — Я покажу вам пещеру, вблизи которой существует ход. Я уверен, что нас слышат, и господа этого острова не замедлят появиться.

— Идемте, — мрачно согласился Ирвинг. — Показывайте. Я следую за вами.

Морякам понадобилось не более десяти минут, чтобы медленно обойти весь каменистый остров. Груда щебня

— Алло, штурман! — глухим повелительным голосом позвал капитан Головина.

и мелких осколков возвышалась там, где Головин надеялся найти следы пещеры. Камни, гладкие бурые валуны громоздились вдоль холма, отсвечивая на солнце.

Ирвинг быстро, тяжело дыша, не говоря ни слова, отвернулся от штурмана и зашагал вниз к подплывающему боту. На корме говорливые матросы раздевали водолаза.

— Видели ли вы, — спросил его Ирвинг, — какие-либо признаки того, что здесь находилось судно?

— Капитан, я обследовал все, что возможно, — услышал Головин ответ водолаза. — Под скалой, на глубине сорока шести метров, ровный каменистый грунт. Много рыбы. Боюсь, что там резвятся акулы. Большая площадка, метров в семьдесят в квадрате. А дальше обрыв, и сразу глубина в несколько сот метров. Вокруг всего острова около этой мели океанская глубина.

— Алло, штурман!— глухим повелительным голосом позвал капитан Головина. — Извольте возвратиться на бот. Не намерены ли вы остаться здесь и вызывать морских духов?

Грубость Ирвинга, какой никогда не мог подозревать в нем Головин, не произвела никакого впечатления.

В глубоком отчаянии, принужденный покинуть остров, он взошел на бот.

Шумно рассекая воду, бот понесся обратно к пароходу.

«Значит, врачи были правы? — тягостно размышлял Головин. — Галлюцинации?.. Кошмары?.. Подводной крепости не существовало?»

И, ринувшись к борту, боясь потерять из виду скалу, Головин против воли воскликнул:

— Вернемся, капитан! Клянусь, это тот самый остров!

— Мистер Головин, — огрызнулся Ирвинг, — я больше не хочу вас слушать. Прекратите бред!

В течение пяти дней Головин не выходил из каюты. И ни разу его не посетил Ирвинг. Штурман испытывал невыносимые муки. Отстраняя еду, он не покидал койки и, казалось, забыл о времени. Но пора уже было прибыть в Сан-Франциско. Как это ни было тягостно для Головина, он решил отправиться к капитану за объяснениями. Словно угадав его желание, Ирвинг внезапно появился в каюте.

— Мистер Головин, — злобно сказал он, — интересует ли вас, где мы находимся?

— Да. Я должен возвратиться в Сан-Франциско...

— Лично меня это не интересует! — отрезал Ирвинг. — Мы проходим берега Мексики. Мистер Головин, я не стану заботиться о ваших удобствах. Если вы еще не потеряли сообразительности, вы должны понять, что все эти дни в результате вашего нелепого обмана я рисковал взорваться от бешенства. Молчите! На вашем месте я давно выбросился бы за борт. Я наказан! Я зверски наказан за свою наивность и простодушие! Но не в моих правилах прощать подобные поступки. Пусть почитаемый мной мистер Голдинг узнает, как я проучил безрассудного, бесчестного человека, осмелившегося провести Фреда Ирвинга. Немедленно покиньте судно, или я прикажу выбросить вас за борт!

Благоразумие остановило штурмана от возражений, и он безмолвно поднялся на палубу.

Стояла звездная ночь.

Застопорили машины, загремели блоки, и Головин по штормтрапу спустился в моторный катер. На освещенном мостике промелькнула фигура Ирвинга.

Катер помчался в темноту.

В полном безразличии сошел Головин на берег. К ногам его упал мешок, и катер моментально повернул назад. Как в тяжелом, гнетущем сне, Головин опустился на холодный и влажный камень.

(Из записей штурмана Головина)

«Темная мексиканская ночь. Я отвернулся, чтобы не видеть огней «Юпитера». В молодые годы я пережил немало потрясений, не один раз я ощущал близкое присутствие смерти, но ни с чем не сравнить страданий, какие испытывал я на мексиканском берегу.

Когда же погибли веселый боцман Бакута, тихий Андрей и Нина?..

Дорогие мои, бедные друзья, они умерли от голода и жажды, а я даже не могу вспомнить, что происходило в последние минуты их жизни! И опять мне мерещится дрожащий свет фиолетовых прожекторов на дне океана... Я вижу фигуру боцмана... молчаливого неспокойного Андрея и... Нину...

Шаги... Кто-то идет в темноте. Я слышу шорох травы, вглядываюсь в темноту, но уже не верю себе. Неужели это снова безумие?»

. . . .

Затихли звуки мотора, невдалеке прошелестели листья невидимых деревьев. И вдруг раздался крик и топот ног. Штурман не шевелился. Огромная человеческая фигура пробежала мимо него, но он уже ничего не чувствовал и не сознавал.

Неизвестный кинулся к воде. Огни парохода исчезли.

Медленные, грузные шаги. Человек возвращался с берега. На миг оцепеневшему Головину показалась знакомой эта фигура. Но он уже не верил себе. «Бред, бред!», звучала в его ушах фраза Ирвинга, и штурман, не двигаясь с места, молча смотрел на приближающегося человека. И вдруг тот остановился. Штурман всмотрелся в темноту и помертвел. Верить ли своим глазам? Ему почудилось, что перед ним появился двойник боцмана Бакуты...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Три пленника

На мексиканском берегу в темноте ночи мы на некоторое время оставим ошеломленного штурмана и расскажем о судьбе трех остальных моряков из экипажа «Звезды Советов». Для этого нам придется вернуться назад и вспомнить утро 5 декабря — то утро, когда с капитанского мостика «Президента» штурман Ирвинг заметил в океане фигуру безжизненного человека.

Приступая к описанию приключений Бакуты, Нины и Андрея, мы тем самым подтвердим существование подводного крейсера «Крепость синего солнца», с которого с помощью Накамуры на рассвете 5 декабря спасся Головин. Трое друзей штурмана остались на дне океана, и в то время как Головин, выбросившись на поверхность океана, лишившись чувств, плыл к огням парохода, они еще крепко спали в душной железной каюте.

Боцман Бакута в это утро проснулся от какого-то странного предчувствия. Он вскочил с койки, и в эту же секунду в каюте вспыхнул свет электрического фонаря. В дверях стоял Накамура. Но еще до этого боцман обнаружил, что койка Головина пуста.

— Где Александр Павлович? — подскочив к Накамуре, встревоженно спросил он.

Японец с печальной улыбкой приложил палец к губам. Смутившийся боцман растерянно оглянулся. Не ошибка ли?

Штурман отсутствовал.

— Где Александр Павлович? — повторил он свой вопрос. — Куда его увели? О да! Я забыл: ты ведь не понимаешь русского языка. Штурман, — знаками объяснил он, — вот его койка. Где мой штурман?

Накамура утвердительно кивнул головой в знак того, что он понимает Бакуту.

— Русский, — промолвил он и указал рукой на потолок. — Русский... — И Накамура сделал руками несколько выразительных движений, изображая плывущего человека.

— Плывет!.. — вскричал догадавшийся боцман. — Наш штурман бежал!

Сирена. Японец вздрогнул. Потушив фонарь, он торопливо вложил в руку Бакуты листок бумаги и выскользнул из каюты. Бакута двинулся за ним, как вдруг раздался выстрел, и кто-то тяжело упал за дверями. В коридоре поднялась беготня. Заунывная сирена внезапно оборвалась, и Бакута, застыв на месте, инстинктивно скатал записку и засунул ее в шов своей тельняшки.

Сирена и шум разбудили Нину и Андрея.

— Штурмана нет, — поразился молодой матрос. — Боцман, куда он девался?

Бакута не успел ответить: распахнулась дверь, и в каюту влетел обезумевший от ярости Алендорф.

— Он бежал! — крикнул немец. — Вы ответите за него! Вы... вы... его сообщники!

В просвете распахнутой двери промелькнули фигуры угрюмых солдат. Осторожно пятясь, они несли труп Накамуры.

С диким, злобным криком Алендорф выбежал в коридор. Загромыхал засов, и все стихло. Бакута молчал, раздумывая над тем, что произошло. Он уже хотел рассказать товарищам о посещении Накамуры и о загадочной записке, как вдруг Андрей заговорил.

— Он бросил нас, — горестно и холодно произнес молодой моряк. — Он... убежал, спасая свою шкуру.

Нина испуганно кинулась к Андрею, но тот порывисто отстранил ее и подошел к боцману:

— Отчего вы молчите? Штурман бежал?

К ужасу Нины, привыкшей к дружбе матроса и боцмана, Андрей еще раз возмущенно и четко повторил:

— И вы прикрываете его! Он трус, ничтожный трус!

Боцман невозмутимо молчал. Но вот наконец он тихо, как будто вместо него говорил кто-то посторонний, неузнаваемым, безразличным голосом, словно не понимая Андрея, переспросил:

— О ком идет речь? Не понимаю: кто это — он?

— Кто он? Да штурман! Ваш штурман Головин!

— Почему мой? — еще тише проговорил Бакута. — Александр Павлович — наш штурман.

— Кто бы он ни был, но я не хочу его называть своим. Он не товарищ нам. Он бежал!..

— Полундра! На место! — гаркнул бомцан, ударив кулаком по стене. — Нина, пока не поздно, спрячь под койку этого пескаря. За одно слово о нашем Александре Павловиче я у любого оторву ноги и выкину за борт!

Нина в отчаянии обхватила боцмана и усадила его на койку. Страх девушки повлиял на старого моряка, и, успокоившись, он презрительно бросил:

— Трусы те, кто хнычет и боится за свою шкуру. Если Александр Павлович ушел, так я, Иван Бакута, верю и говорю: так надо.

— Да, так надо, — решительно повторила за боцманом Нина. — Я тоже верю.

— Молодец! — одобрительно посмотрел на нее Бакута. — Как я вижу, некоторые из моряков напрасно носят штаны.

— Простите его, боцман, — опасливо шепнула Нина и громко сказала: — Не надо ссориться, товарищи. Нас было четверо. Судите сами: если бы появилась возможность бежать одному, конечно мы бы послали штурмана или боцмана.

— Так думаю и я, — подхватил Бакута, — и я бы в первую очередь послал штурмана.

— К чему же нам троим, близким людям, заводить ссоры? — продолжала Нина. — Вместе спасались в море и здесь живем и надеемся на свободу только потому, что мы вместе. Как можно нам враждовать?

— Нина, — растроганно сказал боцман, — бери мою руку. Золотая у тебя голова. Клянусь душой, я хотел бы иметь такую дочку!

Разговор оборвался. За пленниками явился конвой из четырех солдат и одного офицера. В просторном, ярко освещенном круглом салоне, куда привели предварительно закованных в стальные наручники моряков, за черным лакированным, ничем не покрытым столом сидели трое японцев в полной парадной форме, с золотым шитьем и с орденами на груди. В центре, положив руки на стол, восседал тучный человек, вместе с Алендорфом встретивший наших друзей в первый день прибытия их на остров. С левого края, вытянувшись во весь рост, стоял Алендорф.

— Перед вами командование крейсера, — сказал морякам начальник конвоя, показав на сидящих вкруг стола офицеров. — Вам предлагают подробнейшим образом осветить обстоятельства побега штурмана Головина.

Пленники молчали.

— Советские моряки, — жестко проговорил Алендорф, — я уполномочен предупредить вас: по военным законам, которые должны быть для вас священны, в случае отказа отвечать вы подвергаетесь смертной казни. Отвечайте, боцман Бакута! Отвечайте, Мурашев!

— Не знаю, — пожал плечами Андрей. — Нам ничего не известно.

Алендорф перевел его слова судьям, и тучный японец, видимо командир крейсера, глазами указал на Нину.

— Фрейлен Нина, что вам известно? — спросил Алендорф.

— Ничего...

— Когда вашу каюту стал посещать Накамура?

Никто из пленников не ответил на этот вопрос.

— Намерены ли вы, боцман Бакута, что-либо разъяснить суду?

— Поговорить можно, — согласился боцман. — Если хотите, могу высказаться.

— Говорите. Старайтесь изъясняться короче.

— Хорошо, что предупредили, — заметил боцман, — иначе я могу говорить трое суток без еды. Так вот что вам скажет Бакута. Плаваю я с пятнадцати лет. Подсчитайте: выходит — плаваю без двух годов сорок лет. За свою жизнь я знал Романовых, князей, баронов, пароходчиков, адмиралов и генералов...

— Подсудимый Бакута, вы уклоняетесь от прямого ответа.

— Вовсе нет. Я только хочу узнать от вас, как вы думаете: если я не боялся самодержавия, стану ли я бояться этих...

— Остерегайтесь, подсудимый! Перед вами командир крейсера и высшие чины командного состава...

— Так я же и говорю, — удивился боцман, — я и вспоминаю про могущественных адмиралов, генералов, перед которыми я никогда не трусил...

— Как старому моряку, — прервал Алендорф, — вам бы следовало помнить, что именно ваших адмиралов и генералов разбили японцы.

— Нет, не японцы, — спокойно возразил Бакута, — а мы всем народом нашим разбили своих адмиралов, генералов и офицеров, потом мы разгромили на Дальнем Востоке японцев, на Западе...

— В последний раз предупреждаю: говорите о сути дела.

— Только о сути и говорю. Мало ли кого мы разгромили! А сейчас мы, советские моряки, бессовестно захвачены в неволю и закованы в цепи. Но мы не одиноки. На родине у нас великая армия, авиация, артиллерия, танки, броневики. Попробуйте сунуться туда — наломают шею, вы это знаете лучше меня. А тут нас трое, и мы в цепях. Если вы не трусы, снимите наручники, и я без авиации покажу вам...

— Замолчите! Суд немедленно прекратит разбор дела, если вы все трое не заявите о своей готовности признаться.

— Кончайте! — неожиданно выступив вперед, запальчиво крикнул Андрей. — Вы ничего не добьетесь. Знайте, мы помогли бежать штурману...

— Молодец, Андрей! — восторженно сказал боцман. — Трави на полный ход!

— Последнее слово,—поднял руку Алендорф.—Фрейлен Нина, к вам, как к женщине, командование отнесется со справедливой благосклонностью. Советую вам...

— Нечего мне советовать, — спокойно заявила Нина. — Товарищи высказались. Я скажу то же, что и боцман, и не побоюсь умереть, как и мои товарищи. Не тратьте время!

Помрачневший Алендорф отошел к столу и, не глядя на пленников, объявил: всех расстрелять!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Накануне смерти

Караул на этот раз состоял не менее чем из десяти солдат. Но это была излишняя предосторожность. Пленники шли, погруженные в свои думы, а Бакута, словно забыв про приговор, радостно вспоминал свою речь. Она ему очень нравилась, и он с нетерпением мечтал о том,

— В последний раз предупреждаю: говорите о сути дела.

как бы скорей вернуться в каюту и узнать, какое впечатление произвела она на друзей.

Приговоренные к смерти моряки очутились в непроницаемой темноте. Когда вдали затихли медленные шаги солдат, боцман заговорил вне себя от нетерпения:

— Ну, что скажете? Какую я речь отгремел?!

— Очень хорошо! — в один голос отвечали Нина и Андрей. — Хорошая речь!

— Мало сказать — хорошая, — гордо поправил Бакута: — первоклассненйшая речь! Этак кто-нибудь и в самом деле поверит, что я малограмотный. А вот, как видите, в этой речи я им преподал и историю, и географию, и про династию Романовых, и про адмиралов и генералов. Прошу заметить, — строго подчеркнул боцман: — до всего этого Бакута дошел своим умом. Что правда, то правда — университетов я не кончал. Жаль, — вздохнул боцман, — жаль одного: что такую чудесную речь нельзя пропечатать в газетах.

Боцман уселся удобней и уже хотел было приступить к более подробному разбору своего выступления, как у дверей раздались чьи-то шаги. Бакута замолк, но в каюту никто не вошел. Лишь за стеной, выходившей в коридор, раздался звук, какой издают, опускаясь, железные шторы в витринах магазинов.

— Удивительно, — минутой позже чуть слышно произнес Андрей, — этого никогда не бывало. Воздуху нет... Нечем дышать.

— Может быть, — рассудил боцман, — они нас хотят задушить? Веревки жалко...

Внезапно боцман вспомнил утреннее посещение Накамуры. Он рассказал о нем друзьям и бодро закончил:

— Уверяю вас, штурман недаром ушел. Верьте, что нам не дадут пропасть.

— Боцман, — с грустью откликнулся Андрей, — вы должны меня простить за утренние мои слова...

— Молодой ты, — благодушно успокоил его Бакута. — Может быть, и я в твои годы на твоем месте... Да что говорить! Штурман Головин — настоящий советский моряк, он не продаст.

Прошло около часа. С каждой минутой дышать становилось труднее. Моряки уже не разговаривали, они лежали, скорчившись, на полу.

Через полчаса Нина и Андрей потеряли сознание.

— Душат, мерзавцы! — хрипел Бакута. — Душат, как мышей!.. Проклятые!.. Прощайте, друзья! — крикнул он, разрывая на себе рубашку.

Вдруг резко прогремел засов. Дверь распахнулась. Волна воздуха ворвалась в каюту. В дверях стоял Алендорф, раскачивая над головой фонарь и сумрачно глядя на распростертые у коек тела. В каюту торопливо вошел человек с ручным саквояжем и опустился возле Нины и Андрея.

— Благодарите небо, — угрюмо сказал Алендорф, — если... если вы верите в чудеса...

В следующую минуту в каюту принесли баллон с кислородом, и врач произвел молодым морякам искусственное дыхание. Заслышав стоны Нины и Андрея, Алендорф облегченно вздохнул, сел на койку и расхохотался.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

„Спасите меня... и я ваш раб!“

— Вставайте, вставайте! — хохоча кричал немец. — Можете попрежнему располагаться в вашей каюте. Штурман нем, как рыба... Он ничего не помнит... Никто в мире не узнает о «Крепости синего солнца». Да придите в себя, чорт возьми, вы снова можете жить! Благодарите меня. Опоздай я хоть на минуту...

В три часа дня 5 декабря происходила эта сцена. Японцы перехватили радиограмму с парохода «Президент», в которой Фред Ирвинг сообщил газетам Сан-Франциско о спасении неизвестного человека, лишившегося языка и памяти. Напомним о том, как нуждались властители подводной крепости в рабочей силе, для того чтобы стало понятно, почему командование, узнав из радиограммы о безнадежном состоянии Головина, сочло возможным сохранить жизнь пленникам.

— Одно только слово: он жив? — был первый вопрос Бакуты.

— Штурман Головин жив, — переводя дух, сказал Алендорф, — но... но... он хуже мертвеца. Не спрашивайте более.

— Больше мне ничего и не нужно знать! — радостно воскликнул боцман и неожиданно для Алендорфа вытолкнул его за двери.

— Клянусь, — восторженно закричал боцман, обращаясь к друзьям, — он придет за нами, и мы еще поплаваем!

Наивная, но несокрушимая уверенность в том, что «штурман придет», ни на миг не покидала старого моряка. Иначе чувствовали себя Андрей и Нина. Они не возражали боцману, но лишь делали вид, что тоже надеются. К счастью, вечно веселый, возбужденный и шумный боцман не давал им размышлять о будущем. Каждую ночь, укладываясь спать, старик неизменно объявлял:

— День прошел, меньше осталось ждать. Может, завтра проснемся, а он тут как тут!

Каким образом штурман спасет их — над этим Бакута не раздумывал. Он искренне верил. В тоннеле, куда по утрам друзей отправляли на работу, боцман чувствовал себя еще лучше. В толпе корейцев он буквально оживал и напоминал прежнего Бакуту, каким

он был на корме «Звезды Советов». Он нисколько не боялся японских часовых, и те трусливо сторонились русского великана. Боцману ничего не стоило дать меткий пинок конвойному, и офицеры были бессильны что-либо предпринять, ибо командование крейсера решительно распорядилось избегать инцидентов с советским моряком.

Бакута работал за десятерых. Чудовищная сила, с какой моряк крушил камень, внушала японцам страх. Во время работы он во все горло распевал песни, и когда однажды офицер попробовал запретить ему пение, боцман положил у ног кирку и строго предостерег:

— Имейте в виду: там, где Бакута работает, там он хозяин. А тружусь я не для вас — все равно это пропадет пропадом, — работаю я для души и песни буду петь, какие захочу.

Корейцы обожали громадину-боцмана. В его присутствии никто не смел дотронуться до каменщиков — Бакута вел себя в тоннеле, как всемогущий хозяин. В несколько дней он перезнакомился со всеми корейцами и каждому из них дал русское имя. Печальный Андрей не мог удержаться от улыбки, слыша, как боцман командует.

— Яшка-конь, — орал он, — заходи слева! Гришка-камбала, гляди, по ногам попадешь!

Он учил неопытных владеть киркой и ломом, и нельзя было не смеяться, глядя, как кореец с блаженной улыбкой следил за размашистыми движениями боцмана.

Наведя порядок, боцман брался за кирку и объявлял:

— Сейчас запою, подтягивайте дружней!

И во все горло запевал странную, нескладную песню:

...На шхуне «Ломоносов»
Нас было пять матросов.
На север плыли мы
Проведать эскимосов...
На севере мороз.
Матросов было пять,
И ни один из них
Не хочет погибать.

Слабыми, нестройными голосами корейцы тянули что-то свое, но Бакута, с упоением круша камень и точно кому-то угрожая, гремел:

Но и во льдах мы пели,
Отважные матросы!
Команду отогрели
В ярангах эскимосы...

Правда, бывали дни, когда Бакута становился угрюмым и мрачным. В первый раз это произошло дней через двенадцать после побега Головина.

Однажды ночью в каюту наших моряков вошли восемь вооруженных солдат и заковали их в цепи. Японцы ушли, оставив двери раскрытыми, и вслед за их уходом железные стены задрожали. Послышался грохот, как будто на судно обрушился бурный водопад. Каюта заколыхалась. Пленники, насколько им позволяли цепи, приподнялись. Стены, потолок и пол закачались, как на плывущем корабле, и вдруг в каюту хлынул прохладный воздух. В конце темного коридора тускло засветилось мутное, расплывчатое пятно лунного света.

Подводный крейсер всплыл на поверхность океана. Кто-то подплывал к бортам крейсера, неслись приглушенные звуки голосов, как дальнее эхо, раздавался топот ног. Наверху отрывисто застучали дизели [1]. Друзья

[1] Насколько нам удалось выяснить, крейсер всплывал для приема груза и зарядки аккумуляторов.

не сводили глаз с мутного зеленого пятна. Морской свежий воздух овевал их лица. В лунном свете, подхваченный дуновением летнего ветра, кружился клочок бумаги, и люди глядели на него с таким восхищением, как они смотрели бы на сверкающие звезды ночного неба. Бакута, звеня цепями, порывался соскочить с койки. Нина и Андрей также рвались с коек, и им казалось, что стоит только скинуть цепи, и они, взбежав наверх, будут свободны. Но вот рядом, в кубрике корейцев, раздался отчаянный шум, крик, и тотчас жалобные вопли слились в заунывный вой. Корейцы выли до тех пор, пока в коридоре не рассеялся призрачный свет лунных лучей. Серебристый клочок бумаги перестал кружиться, стук дизелей прекратился, и опять закачалась каюта. Снова загрохотала вода — то заполнялись балластные цистерны, — и, плавно качаясь, корабль медленно опустился на дно.

Сирена возвестила о наступлении утра. Глухо хрипя, Бакута ушел на работу.

Вечером он возвратился еще более мрачным.

— Недостает трех корейцев в моей смене, — сообщил он Нине и, отвернувшись, чуть слышно промолвил: — Хорошие ребята!.. Они уже научились петь мои песни...

На другой день после всплытия корейцы работали вяло. Они опять еле двигались, закрыв глаза, и спотыкались на каждом шагу. Казалось, ничто уже не могло возбудить в них энергию и интерес к жизни. Вечером, когда Нина, убрав корейский кубрик, намеревалась уходить, два японца внесли большой медный чан с водой. В кубрике появился офицер, он что-то сказал корейцам, и те безмолвно приблизились к чану. Японцы между тем сняли подвязанные к поясам небольшие мешки и, построив корейцев, раздали им мелкие медные деньги. Схватив монеты, корейцы окружили чан. Ничего не понимая, заинтересованная тем, что будет

дальше, Нина тоже подошла к чану. Две пестрые рыбы игриво носились в воде.

Старый кореец с длинными обвисшими усами, присев на корточки, взял гибкий прут и опустил руку в воду. Раздраженные рыбы перестали плавать и, раздув жабры, остановились друг перед другом, как драчливые петухи. В следующую секунду они яростно бросились в бой.

— Яхх! Яхх! — азартно захлопали в ладоши корейцы.

И мигом зашумел кубрик, и несчастные рабы со смехом и криком обступили чан.

Наблюдая игру, офицер презрительно усмехался.

...Недолго печалился боцман. На другой день он опять пел песни, а ночью своими рассказами долго не давал уснуть Андрею и Нине. Невозможно было понять, правду говорит старик или фантазирует, но друзья всегда слушали его, точно зачарованные.

Как-то раз Нина спросила Бакуту, был ли он когда-либо женат, имел ли семью, сыновей или дочерей. Этого было достаточно для того, чтобы боцман говорил до утра, рассказывая поразительную историю.

— Никогда у меня не было жены, но дочь... дочь была, — тяжко вздохнув, начал он. — Ах, Джанина, Джанина!.. Где ты теперь, моя голубка?

— Что за имя? — изумилась Нина. — Как ее звали?

— Джанина, — довольный произведенным эффектом, повторил Бакута. — Она была итальянка.

— Итальянка?!

— Да, — как ни в чем не бывало подтвердил боцман. — А что тут удивительного?

Как дети, слушающие сказку, Андрей и Нина, затаив дыхание, придвинулись к боцману.

И, упиваясь собственными словами, Бакута расска-

зал им, как однажды на улице Неаполя его внимание привлекла огромная толпа вокруг двенадцатилетней нищенки-певицы. Аккомпанируя себе на мандолине, маленькая итальянка пела песни, потом танцовала с бубном, вызывая всеобщий восторг. Но вот девочка протянула руку, и жестокие слушатели быстро разошлись. Бакута, по его словам, не мог стерпеть подобного бессердечия и тотчас увез ее на пароход. Моряки — товарищи боцмана — с восхищением прослушали песни ребенка в лохмотьях, затем Бакута снял фуражку и...

— И я бросил в фуражку все, что заработал за рейс. Сто или сто пятьдесят рублей — не помню. Да какую роль для меня играли деньги! «А ну-ка, морячки, — сказал я, — выворачивай карманы, кто сколько может». Надо знать русских моряков! В минуту мы собрали что-то около... тысячи рублей. А потом я нанял роскошный экипаж и поехал с Джаниной по магазинам и разодел ее, как принцессу. Денег оставалось уйма, и я отвез ее в пансион, вызвал знаменитого профессора музыки, отдал ему все деньги и наказал: «Воспитывайте ее, как мою родную дочь, я же буду наведываться и следить за воспитанием». О, как она плакала и как благодарила! «Никогда, никогда, — рыдала она, — я не забуду вас, синьор Бакуто». Так я приобрел дочь, — растроганно объяснил боцман.

Прошло много лет. Бакута плавал уже на другом пароходе, но ему ни разу не удалось побывать в Неаполе. Однажды, лет десять спустя, когда его пароход как-то зашел за грузом в Марсель, Бакута узнал, что в город прибыла знаменитая итальянская певица. Бешеных денег стоил билет, но разве это могло остановить его? И вечером он сидел в первых рядах. Каковы же были его радость и изумление, когда в певице, под шумные овации публики вышедшей на сцену, он узнал Джанину!

— Концерт кончился, я купил богатейший букет цветов, — увлеченно рассказывал Бакута, — отправился за кулисы и передал его через горничную с запиской: «Прошу принять. Поклонник вашего таланта, неизвестный скиталец морей». Цветы унесли, я ждал, и вот раскрылась дверь, и Джанина вышла. Она осмотрела меня с ног до головы, а возле нее во фраках и цилиндрах вертелись князья, графы и бароны.

«Кто вы? — спросила она и, задрав голову, скривила губы. — Что вам здесь надо, дорогой?»

Я стоял, скрестив руки, стоял, как изваяние, и молчал. Она бросила мне под ноги букет, а я все молчал и смотрел на нее, пока графы и князья не подхватили ее под руки и не увели.

Она ушла, а я все еще стоял, потом с той же горничной я послал ей вторую записку. Горничная ушла, а я исчез. Вот что я писал Джанине:

«Один моряк помнит ангела-малютку в лохмотьях на улице Неаполя. Он любил ее, как родную дочь, и, скитаясь по морям, он видел ее волшебное лицо в кошмарных морских бурях. Он любил ее, как дочь, но теперь нет у него больше дочери, и, пускаясь в далекое плавание, он навсегда, навеки забудет Джанину».

Каково? Бакута, когда захочет, любого писателя спрячет в карман бушлата!..

— Что же было дальше? — вне себя от любопытства, торопили его Андрей и Нина.

— Дальше? — вяло, с деланным безразличием переспросил Бакута. — А что же могло быть? В ту же ночь мы уходили из Марселя. Отходные флаги, последний гудок, убираем трап, и в последнюю минуту на набережную влетает фаэтон. Женщина в черной вуали подбегает к причалу, но уже слишком поздно. Тогда, упав на колени, ломая руки, она кричит: «Синьор Бакуто, синьор Бакуто, вернитесь!» Она срывает с себя кольца,

жемчуга и бриллианты, умоляя меня остановить пароход. А я стою на борту, скрестив руки, немой, как статуя. Да, — сокрушенно опустив голову, закончил Бакута, — была когда-то и у меня дочь...

...Дни шли за днями, месяцы за месяцами. Бакута не унывал, но он заметно поседел, меньше пел и за последнее время, если Нина и Андрей спали по ночам, разговаривал вслух с самим собою или с воображаемым собеседником. Чаще всего он беседовал со штурманом Головиным.

— Разрешите доложить, — густым басом рапортовал он в темноте, — все в порядке, товарищ штурман. Команда в отличном состоянии.

Сначала Нина и Андрей пугались этих ночных разговоров, но потом привыкли и уже не просыпались, слыша сквозь сон монотонный голос старика. Порой он воображал себя вернувшимся на родину.

Тогда он мысленно шагал по Кремлю и говорил с товарищем Сталиным.

— Честь имею представиться! — гремел боцман. — Моряк дальнего плавания, боцман Иван Бакута.

В следующую минуту он растроганно гудел:

— Благодарю сердечно, чувствую себя превосходно и готов плавать на полный ход...

— Нет, — помолчав с секунду, почтительно отказывался он наконец, — учиться я уже стар, а такой высокий пост по недостатку образования принять не могу. Однако боцманом могу плавать, а если нужно, и воевать!..

Так минуло полгода. Ночью 15 мая трое пленников, готовясь ко сну, по обыкновению слушали Бакуту.

— Еще день прошел, — рассуждал боцман. — Кто знает, что может случиться! Вдруг раскроется дверь...

Бакута не закончил фразы. Тяжелая железная дверь

задрожала, с лязгом и грохотом упал засов. Дверь распахнулась, и знакомая высокая фигура показалась на пороге. В первое мгновение моряки не узнали Алендорфа — настолько изменился этот человек. Судорожно дергалась его голова, раскрытым ртом он хватал воздух и, не в силах вымолвить ни слова, пошатнувшись, упал, уронив фонарь.

Бакута сделал шаг и застыл на месте. Цепкими пальцами Алендорф схватил его за колени.

— Спасите... спасите! — в ужасе озираясь, закричал он. — Спасите меня... и я ваш раб!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Последние минуты

В смертельном страхе Алендорф трясущимися руками цеплялся за боцмана.

— Боже, что они натворили! Проклятые, мерзкие обезьяны! Они хотят потопить меня, как крысу!

Бакута с омерзением отступил назад, но как ни силен был боцман, он не мог оторвать от себя цепких и скользких пальцев потерявшего рассудок немца. Озираясь на двери, вздрагивая от каждого звука, Алендорф воскликнул:

— Они намерены уничтожить крейсер!.. Чувствуете? Мы плывем, плывем. Они отведут крейсер на глубокое место и... потопят.

Каюта плавно качалась. Корабль несомненно двигался. Непонятный шум и крики донеслись издалека.

— Кричат, — прислушавшись, прошептал Алендорф. — Смерть!.. Смерть!..

На секунду отпустив боцмана, он опасливо прикрыл дверь и, всхлипывая и задыхаясь, сбивчиво объяснил:

— Кто-то плывет сюда из Сан-Франциско. Американский пароход идет к острову. Японцы... Подлые предатели: они хотели скрыть от меня свои намерения! Но я знаю, командир не может допустить, чтобы американцы обнаружили базу, и... он уничтожит крейсер... Вчера он приказал разрушить ход с острова, а сегодня с утра приготовили две подводные лодки. Они сейчас открывают кингстоны! [1] — завопил Алендорф. — За что? Мой бог! Господин Бакута, за что я должен умереть? Я не виновен в вашей участи, я только служил, служил за деньги! Помогите мне!.. Мы здесь единственные европейцы. Спасите меня — и вы спасете себя! Одному мне ни за что не выбраться из этого ада!..

— Перестань гудеть, — угрюмо прервал его боцман. — Точно ли тебе известно, что они...

— Потопят! Сегодня, сейчас же... клянусь вам! О-о, от меня ничего не скроется!

— Как же люди?

— Люди?.. О-о, вы еще способны о ком-то думать! Два часа назад почти всех солдат согнали в трюм. Им ни за что не выбраться оттуда. Корейцы заперты в своем кубрике...

— Офицеры?

— Не сомневайтесь, они имеют все возможности для спасения.

— Но мы же под водой?..

— Господин Бакута, — взмолился Алендорф, — для того, чтобы все объяснить, нужно время. Для нас дорога каждая минута. Скорее за мной! В любую секунду...

Боцман жестом приказал ему замолчать. Внезапно Бакута почувствовал странное ощущение, как будто

[1] **Кингстоны** — приспособления, закрывающие забортные отверстия на корабле.

кто-то прикоснулся к его ногам. Отстранив Алендорфа, он склонился над брошенным фонарем, и на лице его появилось выражение мрачной тревоги. Из-под дверей, змеясь и растекаясь, с тихим шелестом поползла тонкая полоска воды. Каюта раскачивалась, и вода быстро проникала под койки.

— Гибнем! — точно подхлестнутый, вскочил Алендорф и рванул дверь.

Из глубины коридора в каюту ринулась бурлящая струя воды. Не задумываясь, боцман подхватил под руки Нину и Андрея и двинулся вслед за Алендорфом. В одну минуту вода дошла им до колен, и, спотыкаясь, держась за стены, моряки шли в темноте, ничего не видя перед собой. Крики и вопли слышались уже совсем близко. Еще несколько шагов, и в смутном зеленоватом освещении моряки разглядели вход в главный зал управления, напоминавший ангар.

Лунный свет падал сквозь прозрачный купол. Корабль быстрым ходом, стремительно несся под водой. Казалось, он сейчас вылетит на поверхность. Но стоило бросить взгляд вниз, чтобы понять, что крейсер обречен на гибель. Внизу, там, где извивались трубы воздухопроводов, где всегда на ночных работах фиолетовые прожекторы освещали безжизненные, сгорбленные фигуры корейцев, сейчас все было затоплено. С отчаянными криками в воде барахталось десятка два японских солдат. Ныряя и захлебываясь, они пытались плыть.

Не станем описывать ужасов, свидетелями которых стали наши моряки, и передадим лишь только то, что в первую минуту представилось их глазам.

Бакута, подхватив Нину, спустился по ступеням и, ринувшись в воду, поплыл к тому месту, где сбившиеся в кучу японцы пытались ухватиться за перекладины столбов. Но в этот момент с высоты грянул выстрел. Боцман немедленно повернул обратно. Наверху, под

прозрачным куполом, на узкой площадке, как на балконе, стояли командир крейсера и несколько офицеров. Вытянув руки с маузерами, они, точно по мишеням, стреляли в солдат. Ныряя, уносимые водоворотом, солдаты с бессильным рычанием, отталкивая друг друга и стремясь во что бы то ни стало ухватиться за столбы, барахтались в воде. Трое из них, выскользнув из хаоса сбившихся тел, с угрожающими криками поползли наверх. Проворно карабкаясь по перекладинам, они уже было добрались до площадки с застекленными кабинами. Но вот опять грянул выстрел, и, взметнув руками, они один за другим сорвались вниз.

В зеленоватом сиянии бесновались погибающие солдаты. На воде держалось еще человек пять, но после нескольких выстрелов крики прекратились. Корабль медленно опускался. Купол потускнел, и в ангаре стало темнее.

— Ко мне! — услыхал Бакута. — Ко мне!.. Здесь меньше воды!

Ударяясь о выступы невидимых механизмов, боцман поплыл на зов Алендорфа, и снова друзья очутились в коридоре возле своей каюты.

Здесь вода, доходившая до колен, стала быстро прибывать, и моряки подумали, что Алендорф сошел с ума или намеренно завлек их в ловушку.

И действительно, Алендорф, не отдавая себе отчета в своих действиях, гонимый страхом смерти, безрассудно бежал туда, где уже не оставалось свободного пространства. Моряки попали в западню. Внезапно позади под напором сжатого воздуха рухнула переборка. Трупы корейцев вывалились из разрушенного кубрика, и вдруг крейсер резко накренился. Вода тотчас отхлынула в ангар, и моряки, как на покатом холме, остались лежать на скользкой палубе.

— Проклятый! — дернувшись к Алендорфу, вос-

кликнул боцман. — Я бы с тобой сейчас рассчитался, но... эта посудина, кажется, отправляется к русалкам. Надо плыть обратно. Чорт возьми, я расшвыряю всех, кто помешает нам подняться наверх!

— Но оттуда стреляют, — заметил Андрей. — К тому же... нам невозможно вернуться...

Рухнувшая переборка кубрика, как баррикада, загромождая коридор, отрезала обратный путь.

Гулкие удары потрясли железные стены, и на моряков посыпались выскочившие заклепки. Оставаться здесь означало подвергнуться неминуемой опасности обвала. Новый удар изогнул стены. Но в этот момент неожиданно переборка, заслонявшая проход, опрокинулась. Не теряя времени, точно по знаку, все четверо бросились вниз и поплыли к ангару.

В смутной зеленой мгле чуть вырисовывались контуры покосившихся столбов. По куполу теперь едва заметно скользили слабые блики лунного света, и на верхней площадке уже никого не было.

В тишине, яростно расплескивая воду, Бакута, одной рукой поддерживая Нину, первым доплыл до столба. Следом за ним вынырнул Андрей.

Старый боцман, как ребенка, подхватив Нину, с юношеской ловкостью пополз наверх.

Пронзительный визг раздался в стороне. Захлебнувшийся, потерявший последние силы Алендорф тонул. Взобравшийся было на столб Андрей кинулся назад и подобрал немца. Бакута, схватив Алендорфа за воротник, приказал:

— Держись за шею!

— О, добрый господин Бакута, — всхлипнул Алендорф, — я никогда не забуду вас, мой добрый друг!

— Клянусь душой, — возмутился боцман, — замолчи, или я тебя сброшу! Крокодил тебе друг, а не советский моряк!

Старый боцман, как ребенка, подхватив Нину, с юношеской ловкостью пополз наверх.

Не более чем через две минуты все четверо были наверху. В темной глубине, точно в пропасти, рокотала вода. Очутившись на площадке, Алендорф моментально ожил и побежал к левому борту.

— Следуйте за мной, — возбужденно позвал он моряков, — сейчас нам все станет известно!

И он увлек их в конец площадки.

— Салон и каюта командира, — сообщил он, открывая массивную дверь. — Они все бежали. В каюте у командира есть приборы, по которым я узнаю все, что нам сейчас необходимо...

Моряки вошли в салон. Осколки разбитой посуды хрустели под ногами. В полутьме друзья внезапно заметили на стене какие-то тени и, подойдя ближе, изумленно остановились. Три человека в изорванной одежде шли им навстречу. Бакута угрожающе сделал шаг вперед, и тотчас стоявший против него человек смело подвинулся вперед.

— Зеркало! — глухо воскликнула Нина. — На кого мы стали похожи! — И она смущенно разгладила лохмотья своей юбки.

Тем временем Алендорф возился в соседней каюте.

— Креномер показывает двадцать семь градусов крена, — озабоченно объявил он, появляясь в салоне. — Я знаю, я точно подсчитал, с какой быстротой поступает вода. Они открыли кингстоны правого борта. Через тридцать-сорок минут крейсер перевернется! Сейчас мы находимся на глубине ста...

Внезапно густой голос запел позади. Моряки настороженно обернулись. Голос неизвестно где притаившегося человека мрачно прозвучал в просторном салоне. И вдруг заиграли скрипки невидимого оркестра.

— Однако, — злобно промолвил Алендорф, — они, повидимому, так торопились, что потеряли головы. Радио...

Не закончив фразы, Алендорф выбежал из салона. Уверенные, что он сейчас вернется, трое друзей терпеливо ждали. Но прошло не менее десяти минут, а Алендорф не возвращался.

— Куда он пропал?.. — взволновался Андрей. — Как без него мы...

— Обождем, он придет, — сурово промолвил боцман. — Он же сам говорил, что одному ему не спастись.

Боцман говорил спокойно, но чувствовалось, что внутренне он встревожен и с великим трудом сдерживается.

Легкий и плавный толчок, пол покачнулся, салон перекосился, и друзья, чтобы удержаться на ногах, принуждены были уцепиться за спинки стульев.

— Отлично! — вне себя от гнева воскликнул Бакута. — Я найду его и в желудке у акулы!

С этими словами он, широко расставляя ноги, побрел вниз, к дверям.

Андрей и Нина вышли на площадку, к застекленным кабинам.

— Алендорф! — во весь голос грозно позвал боцман.

Никто не ответил Бакуте. Из капитанской каюты звучали последние, замирающие звуки вальса.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Гибель „Крепости синего солнца"

В темноте, схватившись за руки, Андрей и Нина безмолвно стояли позади боцмана. Надежда на спасение исчезла. Под ногами плескалась вода, и жутко прозвучал голос Бакуты. Он понимал всю безнадежность положения, но все еще старался казаться невозмутимым.

— Откликнись, Алендорф! Я отыщу тебя, дьявол! —

тяжело дыша, гремел он.— В последний раз!.. Отзовешься ты или нет?

Напрасно друзья ожидали ответа. Предатель скрылся.

— Где его сыщешь? — сказал боцман. — Ни зги не видать. Надо вернуться в салон. может быть найдем фонарь или спички.

Но не успели моряки сделать и шагу, как поразительное явление остановило их.

Темнота рассеялась. Волнующийся изумрудный свет отразился на стеклах кабин. Внезапно вся площадка озарилась зеленым сиянием, и под куполом зашевелились огромные тени. Не понимая, откуда идет свет, друзья перегнулись через перила и увидели сотни светящихся рыб.

С каких таинственных глубин появились эти неведомые существа? В черной воде, как искры, вспыхивали тысячи микроскопических точек. Они кружились сверкающим роем, точно собравшись на сказочный праздник, и зеленые фосфорические огни подымались все выше и выше.

Неожиданно сверкающий хоровод разлетелся во все стороны. На мгновенье ночная тьма снова окутала площадку и онемевших людей. И вдруг ярким синим заревом окрасилась вода. Под ногами моряков проплыли прозрачные круглые рыбы-чудовища с выпуклыми глазами и шевелящимися усами. Они, эти рыбы, были точно из стекла и горели синим пламенем. Моряки окаменели от того, что представилось их глазам, но Бакута, который никогда ничему не поражался или по крайней мере делал вид, что для него не существует тайн, немедленно воспользовался чудесным светом, чтобы продолжать розыски Алендорфа.

Достигнув противоположного конца площадки, друзья наткнулись на винтовую лестницу. Взобраться наверх

было делом одной минуты, и... они едва не наступили на скорчившегося Алендорфа. Прикрыв полой изорванного кителя карманный электрический фонарь, очевидно подобранный им в каюте капитана, Алендорф притаился, как мышь, и при виде моряков помертвел, не в силах разжать оцепеневший рот.

Не говоря ни слова, с сопением, напоминавшим рычание льва, боцман презрительным пинком поднял его на ноги, отобрал фонарь, и друзьям все стало понятно. В железной стене зияло огромное, как сводчатый тоннель, отверстие. И к самому отверстию была подведена спущенная на блоках карликовая подводная лодка.

— Собирался утекать? — отрывисто бросил боцман. — Великолепно! Сейчас мы тебе поможем. Но сначала ты отправишься к рыбам...

— Пощадите! — взмолился Алендорф, пытаясь схватить боцмана за руки. — Господин Бакута, вы не сделаете этого... Я... я... все равно не мог бежать!..

— И ты еще смеешь говорить!..

— Но она, эта подлодка, только для одного...

— На одного? Прекрасно! Во всяком случае, не ты...

— Обождите! Последнее слово! — вцепившись в грудь боцмана, прося пощады, вскричал Алендорф. — Тут есть подводный электрокатер. Если вы поклянетесь, что вы возьмете меня...

— Посмотрим, — перебил боцман. — Как бы там ни было, теперь ты не уйдешь из моих рук.

Раньше чем Алендорф мог повторить свою мольбу, боцман, подняв над головой фонарь, осветил висевший на стальных тросах катер. Голубой катер, по форме походивший на миниатюрную подводную лодку, по конструкции был неизвестен даже такому бывалому моряку, как Бакута. Но старик понял, что в гигантской трубе заключен выход, и первым долгом он отвел в сто-

рону лодку, на которой намеревался бежать Алендорф. Следующим делом было опустить катер. Здесь на помощь Бакуте пришел его опыт такелажника. Ухватившись за свисавший с катера канат, он взобрался наверх; сразу же завизжали блоки, и опустившийся катер был введен под своды гигантской трубы на место убранной лодки. Что предпринимать дальше, боцман не знал.

— Сколько человек помещается в катере? — спросил он. — Как выбираются отсюда?

— О, в этом катере уместится человек десять, — обрадованный надеждой на спасение, глотая слова, ответил Алендорф. — Аккумуляторы заряжены. Если вы меня не оставите... Без меня вы...

— На борт! — скомандовал Бакута и швырнул Алендорфа на покатую палубу катера.

— Обождите! — молниеносно отвернув в палубе люк, прокричал воспрянувший духом немец. — Спуститесь в кубрик, мне еще нужно...

Бакута, безмолвным жестом приказав Андрею и Нине сойти вниз, остался на палубе. Не сводя настороженного взгляда с Алендорфа, боцман наблюдал, как тот повернул в стене колесо, похожее на штурвал, и тотчас массивный щит прикрыл отверстие трубы. Сломя голову Алендорф кинулся на палубу. Успев крикнуть: «В кабину!», он свалился на голову Бакуты, молниеносно задраил люк, и в тот же момент впереди автоматически открылся забортный щит. В громовых раскатах сжатого воздуха катер, как снаряд, вылетел в океан.

Неизвестно, сколько времени и на какой глубине несся катер, выброшенный воздушным напором, но, очевидно, он не мог долго оставаться под водой. В течение минуты он несся пока еще по инерции. Алендорф, включив электричество, занял рубку управления, и маленькое судно, вздыбившись, помчалось наверх.

Не отрывая взгляда от циферблата, Алендорф сквозь зубы бормотал:

— Восемьдесят... шестьдесят... тридцать метров!..

Наконец бегущая стрелка остановилась.

— Стоп! — самому себе скомандовал он и, повернувшись к боцману, прохрипел: — Можете открыть люк...

Как описать волнение и восторг людей, которые полгода томились на дне и наконец увидели лиловое утреннее небо!

— Солнце!..

Ослепленные, онемевшие люди восхищенно смотрели на восток, забыв про тяжкие дни страданий в неволе.

Тихие, спокойные воды с каждым мгновением меняли цвет. В голубом рассветном воздухе совсем близко вырисовывалась мрачная, черная скала мертвого острова.

— Ура! — воскликнул боцман, отрывая лоскут рубахи и размахивая им, как флагом.

Но в этот момент катер рванулся, и друзья едва устояли на ногах.

— Спасены! — размахивая лоскутом, вновь провозгласил Бакута, и торжествующий крик старика подхватили его ликующие друзья.

Но Алендорф не разделял радости наших моряков. Лицо его вновь побледнело, и он опять задрожал всем телом.

— Японцы близко... Они, наверно, дожидались конца! Они видят нас, и... и... они нас потопят.

— Полный ход! — скомандовал боцман.

Алендорф перевел рычаг, и катер понесся, взметая вихрь брызг и пены. Ветер хлестал по лицам, и, схватившись за руки, моряки испытывали невыразимое счастье.

— Возьмитесь за руль! — в изнеможении опускаясь на колени, прошептал Алендорф. — Так держать!

— Есть так держать! — по привычке гаркнул боцман и, спохватившись, добавил: — Но помни: ты здесь не командир.

— Спасены!.. Живем! — всхлипнул Алендорф и залился бессмысленным смехом. Гладя себя ладонями по щекам и переводя взгляд с Бакуты на Андрея и Нину, он проговорил: — Спаслись, все спаслись! Что бы вы делали, если бы не Рихард Алендорф! Он спас вас... Он...

Бакута строго повернул голову. Этого было достаточно, чтобы Алендорф умолк. С жалкой улыбкой он поспешил добавить:

— О нет... Нет... Я не забуду вашего участия, добрые советские моряки...

И, как бы стараясь оправдать свое присутствие, он с удвоенной энергией принялся возиться у приборов управления.

— Присматривайся! — приказал боцман Андрею. — Постигай технику. Назначаю тебя комиссаром.

В катере оказался аварийный запас продовольствия для десятка людей, но вода быстро портилась. Впрочем, это обстоятельство не вызывало тревоги. Боцман изучал карту, выбирая направление. Близко находились Гавайские острова.

По его предположениям, до ближайшего острова было не больше двадцати часов пути. Но Алендорф затрясся от страха. Он словно обезумел, доказывая опасность такого решения, и доказательства его имели серьезные основания.

— Японцы потопят нас, — уверял он, — если только они заметят наш катер... О, они, несомненно, находились там, чтобы убедиться в гибели «Крепости». Да, да... они видели нас... Наверное, они преследуют нас... и потопят...

— Но Гавайя близко... — сказал Бакута.

— Им нетрудно догадаться, что мы возьмем курс на Гавайю, — убеждал Алендорф. — У нас должен быть лишь один курс... курс норд...

Бакута неохотно согласился. В полдень боцман убедился, что Алендорф волнуется не без причины.

Алендорф замедлил ход, взял бинокль и долго пытливым взором обводил горизонт.

— Боцман! — внезапно роняя бинокль, вдруг вскричал он. — Смотрите! Скорее возьмите!..

— Я и без бинокля вижу.

— Дым!..

— Идет судно...

— Корабль... идет за нами!

И действительно, чуть заметный дым поднимался из-за горизонта.

— Японцы! — в ужасе закричал Алендорф. — Господин Бакута, вы ведь знаете, что здесь не ходят суда!..

— Не ходят... Это так... — подтвердил Бакута. — Однако, — беря бинокль, усомнился он, — ведь это купец...

— Что ж из того? На торговых судах японцы доставляли к острову все необходимое для базы! И сейчас командир с офицерами перебрался...

— В таком случае, им не угнаться за нами, — убежденно ответил боцман, — с этого катера мы покажем конец любому торговому судну.

— О, вы правы! — подхватил Алендорф. — В быстроте — наше спасение.

И катер, вздымая столбы воды, полетел на север. Дым исчез из виду. О, если бы наши друзья знали, что это за пароход и кто в эти минуты стоял на его палубе, отыскивая в океане остров и скалу!

. . . .

Неисчислимое количество раз Алендорф менял курс. Трое суток катер мчался по океану. Всюду Алендорфу

мерещились перископы. Временами он успокаивался и мучительно стонал:

— О боже, что со мной делается!

И вдруг опять вскакивал с криком. Под клочьями кителя трепетало его бледное тело.

— Слышите! Слышите! Кто-то плывет за нами!

К концу третьих суток от жары вода испортилась и стала непригодной для питья.

— Надо итти к земле, — решительно заявил Бакута, — смешно было бы теперь погибать.

Не слушая Алендорфа, он лично произвел вычисления и определил приблизительное местонахождение катера.

— Как я полагаю, — заключил он, — ближе всего от нас мексиканский берег. Не больше пятнадцати часов ходу. Идем в Мексику!

...В десять часов утра 21 мая показался мексиканский берег.

Бошман во-время взял в свои руки штурвал, катер благополучно миновал прибрежные камни, и с левого борта открылся узкий залив.

Изнемогая от жажды, Алендорф, повиснув на борту, хрипел:

— Воды... Воды...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Приключения на мексиканском берегу

В лесной чаще по узкому, заросшему водорослями заливу, под сплетающимися ветвями деревьев тихо плыл катер с умолкшими от восторга людьми. Деревья, похожие на плакучие ивы, опускались в воду, и длинные тонкие ветки словно впитывали в себя зеленую влагу. Временами катер попадал в густую темноту, упру-

гие ветви хлестали моряков по лицам, и, сгибаясь под этим висячим мостом из листьев, замирая от радости, друзья не находили слов, чтобы выразить свое счастье. Проплыв под деревьями, притихший катер опять выезжал на солнце. Золотые солнечные пятна скользили по лицам моряков, острые запахи цветов подымались вокруг.

Бакута повернул руль, катер пристал к берегу, и боцман с причальным канатом соскочил в траву. Захлестнув конец вокруг ствола дерева, он распростер руки и, подняв лицо к солнцу, провозгласил:

— Ура! Да здравствует земля! Леса, горы, цветы и травы, реки и ручьи, знайте: мы, советские моряки, опять ступаем по земле!

И, как ребенок, боцман затопал ногами, закружился на месте. Потом он побежал в лес, обхватил и потряс дерево и, опустившись на колени, осторожно сорвал пучок влажной травы.

Он положил траву на широкую свою ладонь, растроганно погладил ее и, в умилении качая головой, прошептал:

— Забавница!..

Алендорф остался на катере. В глубокой печали, едва шевеля губами, он горестно качал головой:

— Я потерял все... Все потеряно...

В холодном прозрачном роднике Нина набрала воды и подала ее Алендорфу. Ухватившись за кружку, точно опасаясь, что ее вырвут из рук, Алендорф пил, захлебываясь и едва не теряя сознание.

— Еще... еще немного, — бормотал он, стуча зубами. — О, как я благодарен вам!..

— Запомни раз и навсегда, — заметил Бакута: — мы тебе не товарищи. Как только попадем к людям, поднимай отходные и исчезни с глаз

По всем признакам дремучий лес был необитаем.

Незаметно закончился первый день на земле, зашло солнце, и под тропическими звездами моряки сели у костра, советуясь, что предпринять в дальнейшем. И все единодушно согласились с предложением Бакуты. Лес необитаем, но все же где-то близко живут люди. Нина и Андрей на рассвете отправятся искать селение, боцман же с Алендорфом тем временем на катере вернутся к берегу океана, так как вполне вероятно, что им удастся заметить проходящие корабли. На этом и порешили, укладываясь в траве на ночевку. Алендорф улегся в катере. Боцман еще не ложился спать и сидел у костра, подбрасывая в огонь сухие ветки. Внезапно невнятный говор послышался за его спиной. Бакута обернулся и с удивлением увидел, как в своем изорванном кителе между деревьями ползал Алендорф. Не замечая того, что боцман следит за ним, Алендорф торопливо подбирал упавшие, сорванные давней грозой сухие листья и совал их в карманы, прятал подмышки и снова проползал в кустарники.

— Что с тобой, человечина? — спросил Бакута. — Куда тебе это добро?

— Не отдам! — вздрогнув и быстро отползая в сторону, выкрикнул Алендорф. — Это мое... Мои выстраданные деньги. Не трогайте меня, не смейте!

— И не подумаю, — недоуменно пожимая плечами, благодушно сказал боцман. — Бери сколько хочешь. Ты бы лучше для костра...

— Деньги мои, — перебил Алендорф, — мне следует много денег... Я заслужил! Вы не имеете права посягать на мои деньги!..

Махнув рукой, Бакута отвернулся, но это невинное движение смертельно напугало Алендорфа. Он тотчас подполз к боцману и, суя ему в руки листья, жалобно предложил:

— Господин Бакута, я вам дам немного денег... Я

поделюсь с вами... Но они, — он указал на спящих Андрея и Нину, — они отнимут у нас... Бежим!..

— Как я вижу, на земле тебе ум повышибло. Ты болен. Ступай на катер.

— Благодарю вас! — Алендорф поднялся на ноги, но, сделав несколько шагов, пошатнулся и упал.

Боцман тихо, чтобы не разбудить уснувших друзей, ступая на носках, подошел к Алендорфу, взял его на руки и отнес на катер.

— Верьте, господин боцман, — прижимая к груди ворох листьев, благодарил Алендорф, — я ценю вас, я вас награжу...

К утру Алендорф очнулся. Пришедший за продовольствием боцман увидел, как он кидал за борт собранные ночью листья.

Припадок прошел, осунувшийся Алендорф ничего не помнил.

В жарких лучах солнца засверкала роса, мокрая трава задымилась, и Андрей с Ниной ушли в лес. С кормы катера боцман махал им густолистой ветвью, и капли искристой росы падали на его багровое лицо.

Мрачный Алендорф, подчиняясь команде, пустил мотор, и тотчас же катер вышел из залива к океану.

Сойдя на берег, Бакута принялся за работу. Нужно было собрать ветки для костра, но Алендорф отказался итти с ним.

— Моторы требуют осмотра, — объяснил он. — Вы справитесь один, а я займусь этим.

— Отлично. В самом деле, кто знает, катер может пригодиться. Может случиться, что Нина и Андрей вернутся ни с чем.

Побродив по лесу, приготовив на берегу костер и разомлев на солнце, Бакута прилег под деревом и задремал. Неожиданный треск мотора, послышавшийся со стороны залива, мгновенно разбудил его. Бакута поду-

мал, что это с местными жителями-рыбаками вернулись Нина и Андрей. Но он услышал мотор катера. И вдруг тяжелый камень пролетел мимо его головы. Когда Бакута выбежал из-за тенистого дерева, голубой катер уже унесся далеко в океан, и на корме чернел силуэт Алендорфа...

В густой чаще, куда попали Андрей и Нина, щебетали, трещали и стрекотали тысячи птиц. На небольших топких полянах блистали синие лужи, и по воде медленно расхаживали птицы, похожие на аистов. С деревьев тучами вспархивали маленькие, как воробьи, зеленые попугаи. Обезьяна величиной с котенка, перепрыгивая с ветки на ветку, с любопытством провожала людей. По болотистой земле, хватаясь за кустарники, Нина и Андрей продолжали свой путь, не задумываясь над тем, что ожидает их впереди.

Лес кончился очень скоро, и на минуту скитальцы остановились, пораженные видом гигантских пальм. На одной из них висела хижина с соломенной крышей, и из дверей к земле спадала плетеная веревочная лестница. Матрос, как по штормтрапу, поднялся в это удивительное жилище, но внутри никого не оказалось. Однако хижина свидетельствовала о близком присутствии людей.

Около часа еще шли наши путешественники, пока не увидели на пригорке двухэтажную мексиканскую гасиенду с крытыми, защищенными от солнца верандами.

У забора гасиенды на солнцепеке сидели люди в полотняных рубахах, в широких соломенных шляпах и молотками разбивали кокосовые орехи.

В великом волнении Нина и Андрей взялись за руки и, уже не сдерживая своих чувств, напрягая все силы, побежали вперед.

Но что это? Пронзительный, возмущенный крик раздался из-за кустов. Остановившись, чтобы узнать, кто

это кричит, Нина и Андрей в двух шагах от себя увидели зрелище, от которого застыла бы кровь у самого отважного человека.

В сухой, раскаленной земле виднелись бронзовые головы закопанных по плечи людей...

Раздался топот коней. По направлению к зарытым в земле людям, взметая пыль, скакала кавалькада всадников. Промелькнули короткие, расшитые золотом куртки, белые узорчатые воротники и широкополые шляпы с шнурами, связанными под подбородками.

Взмахнув хлыстом, один из всадников накинулся на Андрея. Но его отстранил другой, и тогда и без того ошеломленные моряки отказались верить своим ушам.

Но кто бы не замер на их месте, увидав описанное нами зрелище? Кто бы не отказался верить своим ушам, заслышав у мексиканской гасиенды голос, разразившийся вихрем проклятий... на русском языке? Вынырнув из толпы всадников, перед моряками появился человек в белом комбинезоне и в синем, съехавшем набок берете.

— Какого дьявола сюда пускают посторонних? — заорал он, перекрывая хор двадцати всадников. — Чорт возьми, я тысячу раз предупреждал...

— В чем дело, Рудольф? — отстраняя конские морды, добродушно спросил второй неизвестный человек. В невероятно широких ковбойских штанах, придерживая сомбреро, из-под которого упорно выбивались дыбом растущие волосы, он, комично, по-детски выпятив губы, нараспев через нос проговорил: — Что за бред, мой милый Рудольф?! Из-за чего эта свалка? Почему не скачут по головам?.

— Клянусь, я брошу все! — едва не плача, отозвался тот, кого назвали Рудольфом. — Третий раз накладка!

— Оставьте, дорогой Рудольф, — с уморительной гримасой, вызвавшей смех всадников, сказал вто-

рой. — Поверьте, это солнце так же накаляет и мою верхушку.

Он сделал еще несколько замечаний на мексиканском языке, но, заметив Андрея и Нину, удивился:

— Ба, что это за незнакомцы? Рудольф, обратите внимание, в каком они виде. Происходит что-то странное. Это не мексиканцы!

Не станем возбуждать любопытство читателей и разъясним, кто были два человека с гасиенды, изъяснявшиеся на русском языке.

Советский кинорежиссер и неизменно работающий с ним кинооператор по приглашению американской кинофирмы снимали в Мексике картину о мексиканской революции 1910 года. Американцев привлекли имя и талант советского режиссера, мастера же захватила тема. Во времена диктатора Порфирио Диаса помещики зарывали пеонов в землю и на конях скакали по головам бунтовщиков. Такой эпизод и снимался в момент прихода Нины и Андрея. Ничего не подозревавшие моряки сорвали съемку. Но, попав к соотечественникам, Андрей и Нина оказались вне опасности, и поэтому мы перенесемся на берег океана, где остался боцман Бакута.

Предательски обманутый, он тщетно следил за тем, не появится ли на горизонте какой-либо пароход. К закату солнца он решил направиться поближе к заливу, откуда нужно было ожидать Андрея и Нину. С наступлением темноты боцману почудились всплески и показалось, что по заливу плывет судно. И он пошел навстречу.

Спустя полчаса Бакута услыхал шум мотора со стороны океана и бросился обратно. На горизонте вспыхнули и исчезли огни парохода.

Кляня себя за новую неудачу, боцман медленно побрел к лесу, и вдруг его взгляд упал на прислонивше-

гося к камню человека, поразительно похожего на штурмана Головина.

На этом можно было бы закончить нашу хронику, но мы обязаны сообщить еще несколько подробностей. Как известно читателю, на берегу сидел Головин. Мучимый сомнениями, потрясенный штурман смог проронить только два слова:

— Боцман!.. Бакута!..

— Есть боцман Бакута! — закричал старик и бросился в объятия Головина, но, спохватившись, он прижал руки к сердцу, выпрямился и, точно приготовившись к рапорту, немного отступил назад:

— Честь имею доложить...

Он не закончил рапорта, и его седая голова затряслась в рыданиях на плече штурмана.

. . . .

В ту же ночь к берегу, где остался Бакута, прибыл моторный бот с Андреем, Ниной и советскими киноработниками. Назавтра наши друзья с помощью соотечественников прибыли в порт Манзанилло и оттуда послали первую радиограмму в Наркомвод. По железной дороге они доехали до мексиканской столицы Мексико-Сити, а затем отправились в Калифорнию.

В Сан-Франциско, ровно за день до отплытия последнего закупленного Наркомводом парохода, моряки явились к капитану Дементьеву. В Сан-Франциско же друзья узнали содержание записки, врученной боцману покончившим с собой Накамурой. Японский техник, эмигрант, перевел короткие строки иероглифов. Вот что писал Накамура:

«Около года я служил в секретной тихоокеанской базе на подводном крейсере «Крепость синего солнца». У меня было достаточно времени, чтобы осознать, какими кровавыми планами обуреваемы наши командиры, и понять, кому они служат.

Для меня стало ясно: войны хотят только милитаристы, в чьих руках сейчас власть над Японией. «Крепость синего солнца» — один из вулканов войны. И чтобы предотвратить чудовищную катастрофу, я, как мог, попытался воспрепятствовать этому. Что значит моя жизнь и кровь по сравнению с грядущей бойней?!

Советские моряки, если вы спасетесь, не забывайте мое имя. Меня звали Накамура».

В одной из газет Сан-Франциско накануне отплытия Головин прочел сенсационную заметку, имеющую прямое отношение к нашему рассказу. Телеграмма из порта Акапулько сообщала:

«Ранним утром 23 мая портовые власти были поражены следующим загадочным происшествием. В восьмом часу по местному времени в тихую бухту Акапулько в вихрях пены влетел неизвестный катер никем не виданной конструкции и, сделав резкий поворот, унесся обратно в океан. Самые быстроходные суда порта не могли настигнуть таинственный катер, и вдогонку был послан гидросамолет. Летчики успели лишь заметить на борту катера человека в лохмотьях. Катер плыл со скоростью военных торпедных катеров, и, несмотря на сигналы и сброшенные с самолета вымпелы, предупреждавшие о рифах, он с полного хода наскочил на подводные скалы. Но и авария не остановила человека, имевшего вид безумца. С пробитым дном судно еще некоторое время плыло вперед, и когда гидросамолет спустился, катер был поглощен океаном. Колоссальная глубина этого района не позволяет водолазам произвести разведку на дне».

Тысячи разнообразнейших предположений строили газеты, но истину знали одни лишь наши моряки.

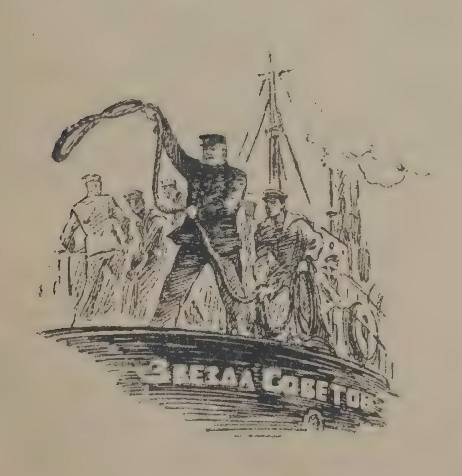
На пароходе «Советский пограничник» друзья через Гавайские острова возвратились на родину, во Владивосток.

До сегодняшнего дня не расстаются три моряка и их подруга. Во Владивостоке хорошо знают четырех друзей, плавающих на новом пароходе, названном «Звездой Советов».

И каждый раз в день прибытия «Звезды Советов» во Владивосток в порту можно увидеть наших героев. На подплывающем судне у капитанского мостика стоит штурман Головин. На палубе среди матросов Андрей и Нина. Но прежде всех можно узнать Бакуту. Когда пароход разворачивается у причала, не кто иной, как Бакута — хотя это надлежит делать матросам, — стоит впереди всех со связкой каната. Он взмахивает канатом над головой, и далеко разносится его громовый голос:

— Эй, на берегу, принимай конец!..

Февраль — апрель 1936 года.

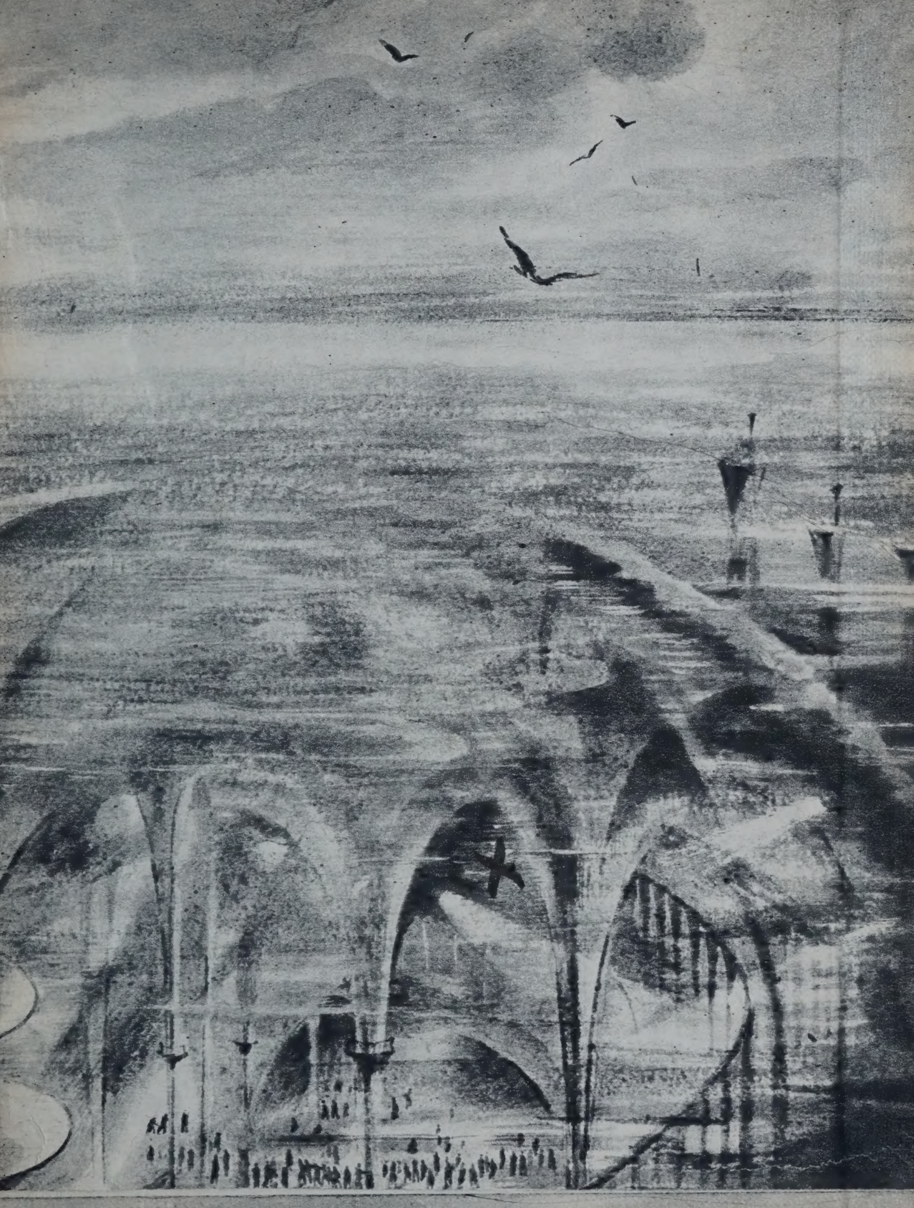
ОГЛАВЛЕНИЕ

Для среднего и старшего возраста

Ответственный редактор *П. Асанов.* Художественный редактор *В. Пахомов.* Технические редакторы *М. Голубева* и *В. Артамонов.* Корректоры *Ю. Носова* и *Е. Трушковская.* Подписано к печати 25/IX 1946 г. 4½ п. л. (6,15 уч.-изд. л). 68 000 зн. в п. л. Тираж 30 000 экз. А10936. Заказ № 2860. Цена 6 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.

0.75

Цена 6 р. 50 к.

